

Библиотека Всемирной Литературы

АЛЕКСАНДР ПУШКИН

Стихотворения. Сказки. Поэмы

Александр Сергеевич Пушкин
Стихотворения. Сказки. Поэмы
Серия «Библиотека
Всемирной Литературы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48762194
Стихотворения. Сказки. Поэмы: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-166228-8

Аннотация

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837) – величайший русский поэт, реформатор и создатель новой русской литературы, приблизивший народную речь к литературному языку. Стиль его произведений признают эталонным. Его перу было подвластно все: философская, гражданская, любовная лирика, переводы, подражания древним, сатирические жанры, в том числе эпиграммы. Свои жизненные и мировоззренческие искания Пушкин воплотил в стихотворениях, в которых отразилась широта интересов и трансформация взглядов поэта. В книгу включены лучшие стихотворения, поэмы, сказки, любимые многими с детства.

Содержание

Путь Пушкина	8
Стихотворения	29
1813	29
К Наталье	29
1814	34
Казак	34
Князю А. М. Горчакову	36
Опытность	38
К Наташе	39
Пирующие студенты	41
1815	45
Лицинию	45
Старик	48
Наполеон на Эльбе	48
Мое завещание Друзьям	52
Моя эпитафия	55
На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году	55
Слеза	58
К бар. М. А. Дельвиг	59
1816	61
Из письма к кн. П. А. Вяземскому	61
Из письма к В. Л. Пушкину	61

Друзьям	63
Элегия	63
Пробуждение	65
1817	67
К Каверину	67
Элегия	67
К молодой вдове	69
Дельвигу	71
Товарищам	72
Разлука	73
Она	74
«Простите, верные дубравы!..»	74
К***	75
Вольность	76
1818	81
Жуковскому	81
Мечтателю	82
«И я слышал, что Божий свет...»	83
Сказки	84
Прелестнице	85
К Чаадаеву	86
1819	88
Орлову	88
Деревня	90
Уединение	92
Веселый пир	93

Возрождение	93
Послание к кн. А. М. Горчакову	94
1817 – апрель 1820	96
На Аракчеева	96
К портрету Чаадаева	96
1820	97
«Увы! зачем она блистает...»	97
«Погасло дневное светило...»	98
«Редет облаков летучая гряда...»	99
1821	101
Муза	101
«Я пережил свои желанья...»	101
Война	102
«Умолкну скоро я!.. Но если в день печали...»	103
«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»	104
Наполеон	105
Десятая заповедь	110
Друзьям	111
Песнь о вещем Олеге	112
Гречанке	116
Послание цензору	118
«Наперсница волшебной старины...»	122
Узник	123
1823	125

Царское село	125
Ночь	126
«Надеждой сладостной младенчески дыша...»	126
Демон	127
«Простишь ли мне ревнивые мечты...»	128
1824	130
«Зачем ты послан был, и кто тебя послал?..»	130
На гр. М. С. Воронцова	131
Разговор книгопродавца с поэтом	131
К морю	139
«Ночной зефир...»	142
1825	144
П. А. Осиповой	144
«Храни меня, мой талисман...»	145
К А.П. Керн	146
«Если жизнь тебя обманет...»	147
Вакхическая песня	147
19 октября	148
Конец ознакомительного фрагмента.	155

Александр Пушкин

Стихотворения.

Сказки. Поэмы

© Сурат И.З., статьи, 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Путь Пушкина

Сказать о Пушкине, что он первый среди русских писателей, – значит не сказать ничего. Сразу заняв центральное место на русском Парнасе, он уже для современников приобрел значение национального символа – и до сих пор не уступил это единственное место никому. Он стал не только «солнцем нашей поэзии» (В. Ф. Одоевский), но и «солнечным центром нашей истории» (И. А. Ильин), фокусом национального сознания. Объяснить и понять это тем более трудно, что Пушкин был только художником, он, по словам Гоголя, «дан был миру на то, чтобы доказать собою, что такое сам поэт», «что такое в существе своем поэт». И во всем и до конца жизни оставаясь поэтом, он именно в этом качестве далеко вышел за рамки литературы, и саму литературу далеко вывел за ее рамки, закрепив надолго царственный статус слова в русской культуре.

Не секрет, что за пределами России Пушкина по-настоящему не признают и в общем не понимают. При переводе, даже самом тонком и точном, на другие языки он слишком многое теряет – уходит особая пушкинская глубина слова и стиха, с мерцанием бесконечных смыслов и перекатами интонационных волн. Что не переводится – это и есть Пушкин. Все дело в том, что Пушкин – это прежде всего явление русского языка, с которым непонятно: то ли Пушкин его фор-

мировал, то ли он дал нам Пушкина, это апофеоз русского языка, а вместе с ним и того национального склада, который в языке заключен. Россия нашла себя в Пушкине, и вспышка его гения совпала с золотым веком ее культурного развития.

При этом Пушкин – первый европеец в русской литературе. Не в смысле влияний, которые он перерастал мгновенно, а в смысле поразительной свободы, с которой он вошел в единое пространство мировой литературы, где чувствовал себя как дома. Никогда не быв за границей, он в творчестве стал подлинным гражданином мира, легко осваивая языки различных национальных культур и эпох – осваивая их в русском слове, он и русскую литературу выводил на мировую дорогу.

Шекспироведы уже полтора века спорят о том, кто, собственно, написал пьесы Шекспира, был ли их автором скромный актер родом из Стрэтфорда, или мы имеем дело с великой мистификацией. О Пушкине такой спор невозможен, и не только потому, что он к нам ближе и жизнь его документирована несравнимо лучше. Главное, потому, что он предстает нам как живая личность, не отделимая от сочинений, в которых эта личность выразилась со всей полнотой. И этот близкий нам человек прошел за свои 37 лет головокружительный путь и оставил уникальный опыт, который можно воспринять, изучая в единстве жизнь и слово Пушкина.

Александр Пушкин родился 26 мая 1799 года в Москве

в семье Сергея Львовича Пушкина и Надежды Осиповны Пушкиной, урожденной Ганнибал. Свой род он вел от прусского выходца Радши, попавшего в Россию во времена Александра Невского – от него пошли ветви знатных дворянских фамилий, среди которых были и Пушкины, сыгравшие заметную роль в русской истории. С другой стороны были Ганнибалы, происходившие от сына абиссинского князя, вывезенного мальчиком из Африки; воспитанник и любимец Петра I, он вошел в силу при Елизавете, а дети его породнились с древними русскими родами. Пушкин всегда чувствовал за собой это родовой многовековый шлейф и оглядывался на него, считая «уважение к мертвым прадедам» основой личного достоинства дворянина.

Семья Пушкиных была не чужда литературным интересам. В доме бывали В. А. Жуковский, Н. М. Карамзин (малолетний Александр, по воспоминаниям отца, «вслушивался в его разговоры и не спускал с него глаз»), дядя Василий Львович был известным поэтом – все это с детства вовлекло Пушкина в мир современной словесности, но подлинное его рождение как поэта произошло в Царскосельском Лицее, куда он был определен в 1811 году и где провел в кругу близких, любимых друзей шесть лет, которые впоследствии вспоминались и воспринимались как самые счастливые в жизни.

Юный Пушкин воспитывался «среди святых воспоминаний», военных памятников Царского Села, в непосредственной близости ко двору – и чувствовал себя в эпицентре всей

европейской истории: «Чему, чему свидетели мы были! / Иг-
ралища таинственной игры, / Металися смущенные наро-
ды; / И высились и падали цари...» Его историческое и пат-
риотическое сознание сформировалось как будто враз, в те
дни, когда мимо лицейских стен «текла за ратью рать» – на
войну с Наполеоном. В 15 лет в Царскосельском парке он
вспоминает звонкими стихами века русской славы, данной
ему здесь в наследство. Эти стихи – «Воспоминания в Цар-
ском Селе», – прочитанные 8 января 1815 года на лицейском
экзамене в присутствии восхищенного Державина, сделали
его знаменитым.

Там же, в Лицее, при всей неровности того образования,
Пушкину открылась не только история, но и вся европей-
ская культура, хоть и усвоенная зачастую по вторичным ис-
точникам. «Читал охотно Апулея, / А Цицерона не читал», –
вспоминал он о лицейском времени в «Евгении Онегине».
Но мы-то знаем, что читал, – и не только Цицерона, но и Кан-
та, и Сенеку с Тацитом («Под стол ученых дураков!» – ска-
зано о них в лицейском стихотворении «Пирующие студен-
ты»), не говоря уж о художественной литературе, древней и
новой. Именно в Лицее, благодаря его гуманитарной ориен-
тации и некоторым европейски образованным профессорам
(А. П. Куницын, А. И. Галич), этот мир мировой культуры
открылся перед ним, лег к его ногам.

Пушкина родила молодая Россия, только что победив-
шая Наполеона, – бодрая страна, уже не только прорубив-

шая окно, но и распахнувшая дверь в Европу, страна, в которой кипела энергия преобразований, давшая реформатора М. М. Сперанского, а потом декабристов. На этой энергической волне возрастал и Пушкин, увлекшийся после Лицея политикой и ловивший новые социальные идеи. Но он был прежде всего поэт, и под его пером эти различные идеи, иногда противоречившие друг другу, получали такую публичную поэтическую силу, о какой могли только мечтать породившие эти идеи радикальные умы.

За это он и угодил в ссылку – в мае 1820 года был переведен по министерству иностранных дел, в котором формально числился на службе, в Кишинев, в канцелярию генерала И. Н. Инзова. Это было его первое большое путешествие по Российской империи, по Кавказу и Крыму, давшее целую гроздь так называемых «южных поэм» – «Кавказский пленник», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан», «Цыганы». С Юга же начинается и полноводная пушкинская лирика со всем ее тематическим разнообразием, отражающим разнообразие и широту его стремительно развивающейся личности. Он по-прежнему увлечен освободительными идеями, в особое возбуждение его приводит греческое восстание против турецкого владычества, и он мечтает, вырвавшись из ссылки, участвовать в этой революции и, может быть, погибнуть, как погиб впоследствии Байрон, за свободу греков. Жизнь он ведет не ссылочную, бурную, с любовными увлечениями, дуэлями, побегами в цы-

ганский табор, поездками по Бессарабии, в Одессу и к декабристам в Каменку. Тем временем слава его растет – после выхода в свет поэмы «Руслан и Людмила» (1820), вызвавшей бурю споров, от него ждали новых свершений, и дождались: в начале сентября 1822 года выходит из печати «Кавказский пленник» – поэма, которую Пушкин больше года не решался выдать публике, будучи не вполне ею доволен. В. П. Горчакову в ответ на его замечания он писал осенью 1822 года: «Характер Пленника неудачен; доказывает это, что я не го-жусь в герои романтического стихотворения. Я в нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века».

Описанный здесь Пушкиным условный байронический комплекс был воспринят им еще в лицейские годы и тогда же дал свои плоды в лирике, но не затронул основ его душевной жизни. И вдруг теперь, среди кишиневского рассеяния, а затем и позже, в 1823 году в Одессе, из-под пера его выходят стихи, в которых уже без всякой литературности и условности выражено действительное, не выдуманное, глубокое, тотальное разочарование во всем, что прежде составляло основу существования: «Разоблачив пленительный ку-мир, / Я вижу призрак безобразный...» Пушкин как будто на лету преткнулся о грозные вопросы об истинной ценности жизни и о ее границах – простираются ли они за границы земного, или там, за гробом, ждет человека «ничтожество»,

небытие: «Как, ничего! Ни мысль, ни первая любовь! / Мне страшно!...» Тут же следует и разочарование в освободительных идеях, вести о поражении революционных движений в Европе вызывают лишь усталый скепсис: «В порабощенные бразды / Бросал живительное семя – / Но потерял я только время, / Благие мысли и труды...» От бурнокипящей внешней жизни, в которую он так был вовлечен и которая разом померкла для него, он впервые всерьез обратился к экзистенциальным проблемам, остановился перед ними.

В Одессе, куда Пушкин переехал в середине 1823 года, он переживает сильное увлечение женой бессарабского наместника Елизаветой Воронцовой. След этой любви на несколько лет останется в пушкинской лирике, а следствием ее станет конфликт с мужем, который, пользуясь поводом, добивается в июле 1824 года удаления соперника из Одессы. В Одессе же в мае 1823 года Пушкин начинает главное свое произведение – лирический роман «Евгений Онегин», роман, который будет сопровождать его больше семи лет и вместе с ним развиваться, роман непривычной для русского читателя формы, но с такими узнаваемыми героями, которых социологическая критика окрестила потом «типическими характерами в типических обстоятельствах», которые и были такими «типическими характерами» и при этом отражали разные стороны и фазисы душевного развития автора. Этот свободный, живой, текучий, подвижный роман вместил в себя так много, что, кажется, предсказал весь дальнейший ход

русской жизни. Но для самого Пушкина это был прежде всего роман его души и его путь к человеческой зрелости.

Первые две главы «Онегина» пишутся в Одессе, здесь же начата и третья, завершенная уже в Михайловском, в уединении фамильной усадьбы, где Пушкину суждено было провести безвылазно два с лишним долгих года. За это время, помимо лирики, написаны «Цыганы», начатые в Одессе, «Подражания Корану», «Граф Нулин», четвертая глава «Онегина», «Борис Годунов» – но дело не в количестве сочинений, были у Пушкина периоды и более плодоносные. Вынужденное уединение, которым он с непривычки очень тяготился, оказалось для него не просто благотворным, но и спасительным. Через десять лет приехав в Михайловское и вспоминая годы ссылки, именно так он осмыслил свое тогдашнее затворничество: «...Я еще / Был молод, но уже судьба и страсти / Меня борьбой неравной истомили <...> Но здесь меня таинственным щитом / Святое Провиденье осенило, / Поэзия, как ангел утешитель, / Спасла меня, и я воскрес душой». В этих строках, не вошедших по своей интимности в беловую редакцию стихотворения «Вновь я посетил...» (1835), сформулирован может быть главный итог михайловского сидения – непосредственное ощущение Провидения, связанного с поэтическим даром.

Пушкин вел в Михайловском насыщенную и сложную жизнь. На поверхности было томление одиночеством, планы побега за границу, увлечения соседскими барышнями –

а на глубине шла грандиозная работа, духовная и творческая. Он как никогда много читал: Библию и Шекспира, Честы Минеи и Вальтер Скотта, и в особенности историков – древних и современных. Углубленные занятия историей, которые Пушкин не оставлял до конца своих дней, начались именно здесь, в Михайловском, – их результаты сказались прежде всего в трагедии «Борис Годунов», в которой верховная власть держится закономерным ходом событий, «силою вещей», а волюнтаристское ее присвоение не находит исторических и нравственных оправданий. Стремление проникнуть в механизмы истории постепенно приводит Пушкина к историческому провиденциализму, на фоне которого попытки насильственно сменить форму правления выглядят по меньшей мере исторически безответственно. Это был важный мировоззренческий прорыв, и он напрямую коснулся его личного самосознания. В Михайловском Пушкин, молодой еще человек, ощущает потребность осмыслить прожитые годы: он систематически работает над своими воспоминаниями и доводит эту работу до белой рукописи. Записки эти, бывшие едва ли не главным михайловским делом, сожжены им в горячую минуту – но душевный труд, на них затраченный, не пропал втуне: с Михайловского созревало и все больше укреплялось в нем ощущение, что в поворотах судьбы есть высший, хоть и не всегда доступный разумению смысл и что для него лично смысл этот связан с творчеством. Михайловское – центральная точка пушкинского пути.

Здесь он углубился в себя, окончательно сделал свой выбор и осознал единственность назначенного ему жребия (этим объясняется, в частности, его решение не ехать в Петербург накануне декабрьского восстания). Здесь он подошел к расцвету своих творческих возможностей и в разгар работы над «Борисом Годуновым» признался в письме Н. Н. Раевскому: «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить».

Пушкину дана была судьбою драматичная биография: ранний взлет и опала, шестилетняя ссылка, потери близких друзей, сближение с царем, падение популярности, гибель на дуэли. Но этот внешний драматизм не идет ни в какое сравнение с коллизиями его внутреннего развития, с масштабом пережитых им внутренних событий. Главное событие Михайловского периода символизировано в сюжете и образах «Пророка» – грандиозного стихотворения о поэзии как высшем служении и «тайном подвиге сердца» (Вл. Соловьев), о принятии смертного страдания ради права на «глагол», о полном перерождении поэта в горниле этого страдания, о силе богодухновенного слова, жгущего сердца.

Потрясенный известиями о петербургском восстании, а затем о приговоре декабристам, Пушкин старается «взглянуть на трагедию взглядом Шекспира». При этом он рвется в столицы и, надеясь на милость нового царя, пишет прошение на высочайшее имя об освобождении из ссылки. Прошение не остается без внимания – в ночь с 3 на 4 сентября

1826 года к нему является курьер с повелением немедленно проследовать в Москву.

8 сентября 1826 года Пушкин в сопровождении фельдъегеря въехал в столицу и прямо в дорожной одежде был препровожден в Кремль. Здесь его ждал император. Разговор с Николаем I, о содержании которого можно судить лишь по косвенным источникам, стал поворотным пунктом в общественном положении Пушкина. В результате этой беседы он приблизился к власти, и ему показалось, что теперь он сможет оказывать на нее благотворное влияние. В дальнейшем это сближение обернулось тяжелой зависимостью от двора и во многом определило его жизнь в последние годы.

Литературная Москва встретила поэта как героя. Он упивался общением с друзьями, читал в гостиных новые произведения, знакомился с молодыми литераторами, налаживал сотрудничество с журналами. К этому периоду относится ряд мемуаров о Пушкине, написанных людьми, впервые тогда вступившими с ним в общение. Каким виделся Пушкин окружающим? Выразительная внешность, блестяще умный и одушевленный разговор, простодушный смех, частая угрюмость или тихая грусть... Но цельной и глубокой характеристики его мы не находим в этих мемуарах, как не находим ее и в воспоминаниях близких друзей. Личность Пушкина остается неуловимой, образ его ускользает от описания и современников, и поздних биографов. Может быть, это и есть главная пушкинская тайна, и путь к ней лежит только

через творчество.

Вскоре положение Пушкина осложнилось. Не все одобряли его новую позицию по отношению к власти. Стихотворение «Стансы» (1826), обращенное к императору, встретило даже у друзей осуждение и обвинения в лести, так что ему пришлось объясняться: «Нет, я не льстец, когда царю / Хвалу свободную слагаю...» А с другой стороны, власть не могла до конца увериться в пушкинской лояльности: в 1827–1828 годах следует серия унижительных и опасных разбирательств – по поводу распространения не пропущенного цензурой отрывка из стихотворения «Андрей Шенье» (1825), а затем по поводу поэмы «Гавриилиада» (1821), в авторстве которой Пушкин в конце концов признался лично императору. Конечно, все это Пушкина тревожило: «Снова тучи надо мною / Собралися в тишине; / Рок завистливый бедою / Угрожает снова мне...» Но не эти «тучи» омрачили по-настоящему его душевный небосклон.

Рассеяние московского, а позже и петербургского света составляло разительный контраст с набранной им в Михайловском глубиной личного бытия. Пушкин осознавал эту раздвоенность, об этом – знаменитое стихотворение «Поэт» (1827), в двух частях которого контрастно противопоставлены два плана существования поэта: житейский и творческий. В 1828–1829 годах душевная жизнь Пушкина вновь драматизируется до предельной остроты, до такого внутреннего разлада, при котором сама жизнь воспринимается в ка-

кие-то минуты как «дар напрасный, дар случайный». Оглядываясь назад, он жестко оценивает пройденный путь: «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная...» Корни этого кризиса уходят в глубинные сферы его внутренней жизни, обостряется смутная тоска по идеалу – образное воплощение она нашла, в частности, в одном из стихотворений так называемого «кавказского цикла», родившегося во время путешествия в Арзрум 1829 года: «Далекий, возжеланный брег! / Туда б, сказав прости ущелью, / Подняться к вольной вышине! / Туда б, в заоблачную келью, / В соседство Бога скрыться мне!..» Картина монастыря на Казбеке претворена здесь в метафору душевной жизни, в возжеланный, но, кажется, недостижимый идеал личного существования.

Пушкин искал новых жизненных путей: он задумал жениться. Выбор пал на юную московскую красавицу Наталью Гончарову. К красоте, в том числе и женской, Пушкин относился как художник – воспринимал ее как святыню («Благоговей богомольно / Перед святыней красоты»), как воплощение идеала, как форму Божественного присутствия. Так он и воспринял облик своей будущей жены, поразивший его с первой встречи, и в его сознании эта встреча связалась с надеждой обновления жизни.

С этой надеждой Пушкин в конце августа 1830 года отправляется по хозяйственным делам в деревню Болдино, нижегородское имение отца, – и застревает там из-за холерной эпидемии на три долгих месяца. Эти месяцы вынужденно-

го затворничества стали для Пушкина периодом беспримерной творческой активности. Как художник и как личность он достиг зрелости – пришла пора собирать камни. В Болдине, в состоянии душевной смуты, в тревогах о невесте и о будущей свадьбе, между безуспешными попытками прорваться через карантин в столицу Пушкин завершает многое из того, над чем думал и начинал работать раньше. Уже вернувшись в Москву, он писал своему издателю и другу П. А. Плетневу: «Скажу тебе (за тайну), что я в Болдине писал, как давно уже не писал. Вот что я привез сюда: 2 последние главы “Онегина”, 8-ю и 9-ю, совсем готовые в печать. Повесть, писанную октавами (стихов 400), которую издадим Анонуме. Несколько драматических сцен или маленьких трагедий, именно: “Скупой рыцарь”, “Моцарт и Сальери”, “Пир во время чумы” и “Дон Жуан”. Сверх того написал около 30 мелких стихотворений. Хорошо? Еще не все (весьма секретное). Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется – и которые напечатаем также Анонуме». Пушкин не все в этом отчете перечислил: еще он привез «Историю села Горюхина», «Сказку о попе и о работнике его Балде» и блок статей, или нехудожественной прозы, – сгустки глубоких, сильных мыслей о литературе, об истории, российской и мировой. Кажется, что все это написано на одном дыхании, – на самом же деле этот мощный скачок был подготовлен всем его предшествующим развитием. Свой внутренний кризис он изжил невероятным душевным

усилием, творческим трудом самого высокого напряжения.

Болдинское творчество поражает разнообразием и масштабом. Цикл «маленьких трагедий» – монументальная фреска, исследующая поведение человека в разные эпохи в разных критических обстоятельствах. «Повести Белкина» – первая законченная проза, по видимости бесхитростная, но с чрезвычайно сложной повествовательной системой, в которой спрятано как в коконе ее проблемное зерно. «Домик в Коломне» – шутливая поэма с почти неуловимой идейной подкладкой. И подлинные шедевры пушкинской лирики – любовной, философской, антологической... Окончание работы над «Евгением Онегиным» знаменовало завершение некоего жизненного круга и выход на новый путь. Прощаясь с любимым романом, с его героями, Пушкин прощался и со своим прошлым. В Болдине он ощущал себя на перепутье, в той точке, где кончается прошлое и начинается будущее: позади «безумных лет угасшее веселье» и «печаль минувших дней», впереди – «грядущего волнуемое море».

Из Болдина он выехал другим человеком, как будто вернувшимся к самому себе. На женитьбу свою он смотрел уже трезво-прозаически: «В тридцать лет люди обыкновенно женятся – я поступаю как люди и, вероятно, не буду в том раскаиваться... Будущность является мне не в розах, но в строгой наготе своей. Горести не удивят меня: они входят в мои домашние расчеты». Он решил для себя пойти теперь общими путями – путями, на которых, как он считал, люди нахо-

дят счастье. Впервые в биографии Пушкина мы видим такой поворот – жить как люди («До сих пор я жил иначе как обыкновенно живут»), и это решение стало переломным в его судьбе.

Не только личная жизнь Пушкина в это время изменилась – изменилось и его положение в литературе. Он уходил все дальше от вкусов читающей публики и не встречал у нее такого горячего отклика, как прежде. Разговоры о закате его таланта стали общим местом в журналистике 1830-х годов. Все чаще Пушкин оставляет написанное в столе – почти вся его лирика последних лет была опубликована только после смерти. При этом он активно участвует в журнальных схватках, отстаивая свои эстетические и общественные принципы и стараясь через издаваемую им вместе с А. А. Дельвигом «Литературную газету» воздействовать на литературный процесс.

Не менее бурно он реагирует на политические события, главным из которых стало тогда для России польское восстание 1830–1831 годов. Пушкин был державником – неделимость империи казалась ему залогом ее процветания и мощи. Его патриотические стихи по поводу польского восстания («Перед гробницею святой...», «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», 1831) были восприняты с недоумением в либеральных кругах. Пушкин все острее чувствовал свое одиночество среди современников.

В июле 1831 года он просит царя разрешить ему «за-

няться историческими изысканиями в наших государственных архивах и библиотеках» с дальней целью написать историю Петра Великого. Разрешение было получено – и с этого момента Пушкин становится официальным историографом, заняв по должности место Н. М. Карамзина. Большие исторические замыслы отныне поглощают его время и внимание, и ради их осуществления он жертвует многим, в том числе и личной независимостью. Профессиональные занятия историей, конечно, не были для Пушкина случайностью. В них сошлись его внутренние творческие потребности как поэта и мыслителя со стремлением формировать общественное сознание современников и влиять на власть.

В последнем отношении особенно важна пушкинская поэма «Анджело» (1833) – критики, и в частности В. Г. Белинский, оценили ее низко, сам же Пушкин говорил, что ничего лучше он не написал. В «Анджело», как и в «Капитанской дочке» (1836), он художественно воплотил свою концепцию гуманной власти, сочетающей закон с милосердием. В финальных, перекликающихся между собой сценах поэмы и романа очевидны черты утопии.

С работой Пушкина над историей Петра связана его последняя поэма «Медный всадник» (1833); ее центральная тема – стихия истории и личная судьба, государство и частная жизнь человека. Художественная формула этого столкновения найдена Пушкиным в грандиозном по своей поэтической силе образе петербургского наводнения, смывающего

го судьбы маленьких героев поэмы.

Истории Петра Пушкин не закончил. Его «История Пугачева», напечатанная в 1834 году, не имела успеха у читателей, тираж ее остался не раскупленным. Становилось все яснее, что выбор, сделанный Пушкиным, не оправдывается. Обращение к историческим трудам означало для него выход на активное общественное поприще – он намеревался таким путем помочь современникам осмыслить настоящее и будущее России в перспективе ее многовековой истории. Но его голос не был услышан.

С 1834 года осложняется и личная жизнь Пушкина. Он получает унижительное для него придворное звание камер-юнкера, которому должен теперь соответствовать – посещать официальные мероприятия и балы. С этого момента его отношения с властью все больше обостряются: серия цензурных преследований, организованных ярым врагом Пушкина министром просвещения С. С. Уваровым, перлюстрация семейной переписки, беспросветная денежная зависимость от казны – все эти обстоятельства отравляют его существование. Но главные проблемы, мучившие Пушкина, лежали в другой плоскости. С весны 1835 года в его лирике появляются и все нарастают новые мотивы, связанные с предчувствием близкой смерти; сгущаясь, они выстраиваются постепенно в единый сюжет, исполненный драматизма и неумолимо идущий к развязке. Герои его лирики этого года – Родрик, Странник – ввиду близкой смерти резко меня-

ют жизнь, чтобы успеть подготовиться к концу. То же хочет сделать и Пушкин – он предпринимает попытки уйти в отставку, переехать с семьей в деревню; «...поля, сад, крестьяне, книги: труды поэтические – семья, любовь, etc. – религия, смерть» – так ему видится эта новая углубленная жизнь, в которой он ощущает уже самую острую потребность. Но реализовать этот идеал оказалось невозможно – две попытки уйти в отставку встретили раздражение императора, а желание уехать в деревню натолкнулось на решительное сопротивление жены.

В 1836 году терпит неудачу его последний общественный проект – издание журнала «Современник», который Пушкин задумал как собрание «статей чисто литературных (как то повестей, стихотворений etc.), исторических, ученых, также критических разборов русской и иностранной словесности». К журналу были привлечены лучшие силы: здесь печатались произведения самого Пушкина, а также Гоголя, Тютчева, Жуковского, Вяземского, Баратынского, Языкова, Дениса Давыдова, А. И. Тургенева, – однако в конкуренции с массовой литературой «Современник» проиграл; число его подписчиков было столь незначительно, что не могло обеспечить издания. Пушкин ориентировался на свой вкус и мыслил по нему формировать вкусы общества, но, как видно, и здесь опередил свое время.

Летом 1836 года, живя с семьей на даче на Каменном Острове, Пушкин написал свой последний лирический цикл, в

котором преобладают христианские мотивы. Этот цикл воспринимается как итог его духовного пути – кажется, что после этих стихов уже ничего не могло быть им написано. Стихи эти очень разные, но итог они подводят один – что только внутреннее дело имеет смысл, для поэта – только его личное творческое дело. И предсмертная тревога о судьбе души находит здесь разрешение: поэт спасается от тления общим путем – душа его неотделима от лиры и именно в лире переживает его прах («Я памятник себе воздвиг нерукотворный...»).

Обстоятельства ухода Пушкина из жизни (29 января 1837 года) хорошо известны: легкомыслие красавицы жены, козни голландского посланника и его приемного сына, дуэль – все это многократно описано и досконально изучено, но к этому не может сводиться проблема гибели Пушкина. Анализ этих известных обстоятельств оставляет ощущение их несоизмеримости с происшедшим. Все это – только внешняя сторона жизненного круга, событийная оболочка великой трагедии великого художника, имеющей, помимо ситуативных причин, свою глубинную логику и свою провиденциальную телеологию. Гений в расцвете сил и таланта – неужели он ушел потому, что оказался в зависимости от двора, а жена его кокетничала с кавалергардом? Гибель Пушкина – закономерный итог его пути; на Черную речку его привела логика внутреннего развития, логика судьбы. Невыносимость жизни Пушкина в последние годы определяется не самими

обстоятельствами, о которых так много написано, а разительным несоответствием этих обстоятельств его новым духовным устремлениям. Этот контраст – исходная точка дуэли. Пушкин во многом сам определил течение преддуэльных событий – им двигала острая потребность расчистить свой жизненный горизонт, освободиться для новой жизни. В основе его поведения было, говоря словами Г. Федотова, «чаяние последнего освобождения».

После смерти Пушкина Гоголь сказал: «Я уверен, что Пушкин бы совсем стал другой». Какой другой? Если выход на новый виток жизни был связан с новым для Пушкина христианским сознанием, то что он стал бы с этим делать как поэт? До сих пор его в жизни и творчестве вел только дар – как это могло быть согласовано с глубоким принятием христианства? На эти вопросы нет ответа, но они неумолимо возникают в связи с его гибелью.

Помимо того, что написано им на бумаге, помимо удивительного опыта жизни, прожитой ярко и сильно, Пушкин оставил нам и опыт смерти, поразившей всех, кто при ней тогда присутствовал. В последние пушкинские дни и часы его друзья и врачи стали свидетелями героического переживания смерти как великого таинства. Пушкин умер «полной смертью» (Мандельштам) – такая смерть дается не каждому, она говорит о многом и прежде всего – о цене пушкинского слова.

Ирина Сурат

Стихотворения

1813

К Наталье

*Pourquoi craindrais-je de le dire?
C'est Margot qui fixe mon goût¹.*

Так и мне узнать случилось,
Что за птица Купидон;
Сердце страстное пленилось;
Признаюсь – и я влюблен!
Пролетело счастья время,
Как, любви не зная бремя,
Я живал да попевал,
Как в театре и на балах,
На гуляньях иль в воксалах
Легким зефиром летал;
Как, смеясь во зло Амуру,
Я писал карикатуру

¹ Почему мне бояться сказать это? Марго пленила мой вкус.

На любезный женский пол;
Но напрасно я смеялся,
Наконец и сам попался,
Сам, увы! с ума сошел.
Смехи, вольность – всё под лавку,
Из Катонов я в отставку,
И теперь я – Селадон!
Милovidной жрицы Тальи
Видел прелести Натальи,
И уж в сердце – Купидон!

Так, Наталья! признаюсь,
Я тобою полонен,
В первый раз еще, стыжуся,
В женски прелести влюблен.
Целый день, как ни верчуся,
Лишь тобою занят я;
Ночь придет – и лишь тебя
Вижу я в пустом мечтании,
Вижу, в легком одеянии
Будто милая со мной;
Робко, сладостно дыханье,
Белой груди колебанье,
Снег затмившей белизной,
И полуотверсты очи,
Скромный мрак безмолвной ночи –
Дух в восторг приводят мой!..
Я один в беседке с нею,
Вижу... девственну лилею,

Трепещу, томлюсь, немею...
И проснулся... вижу мрак
Вкруг постели одинокой!
Испускаю вздох глубокий,
Сон ленивый, томноокий
Отлетает на крылах.
Страсть сильнее становится,
И, любовью утомясь,
Я слабею всякий час.
Всё к чему-то ум стремится...
А к чему? – никто из нас
Дамам вслух того не скажет,
А уж так и сяк размажет.
Я – по-свойски объяснюсь.

Все любовники желают
И того, чего не знают;
Это свойство их – дивлюсь!
Завернувшись балахоном,
С хватской шапкой набекрень
Я желал бы Филимоном
Под вечер, как всюду тень,
Взяв Анюты нежну руку,
Изъяснять любовну муку,
Говорить: она моя!
Я желал бы, чтоб Назорой
Ты старалася меня
Удержать умильным взором.
Иль седым Опекуном

Легкой, миленькой Розины,
Старым пасынком судьбины,
В епанче и с париком,
Дерзкой пламенной рукою
Белоснежну полную грудь...
Я желал бы... да ногою
Моря не перешагнуть,
И, хоть по уши влюбленный,
Но с тобою разлученный,
Всей надежды я лишен.

Но, Наталья! ты не знаешь,
Кто твой нежный Селадон,
Ты еще не понимаешь,
Отчего не смеет он
И надеяться? – Наталья!
Выслушай еще меня:

Не владетель я сераля,
Не арап, не турок я.
За учтивого китайца,
Грубого американца
Почитать меня нельзя,
Не представь и немчурою,
С колпаком на волосах,
С кружкой, пивом налитой,
И с сигаркою в зубах.
Не представь кавалергарда
В каске, с длинным палашом.

Не люблю я бранный гром:
Шпага, сабля, алебарда
Не тягчат моей руки
За Адамовы грехи.

– Кто же ты, болтун влюбленный? –
Взглянь на стены возвышенны,
Где безмолвья вечный мрак;
Взглянь на окна загражденны,
На лампы там зажженны...
Знай, Наталья! – я... монах!

1814

Казак

Раз, полунощной порою,
Сквозь туман и мрак,
Ехал тихо над рекою
Удалой казак.

Черна шапка набекрени,
Весь жупан в пыли.
Пистолеты при колене,
Сабля до земли.

Верный конь, узды не чуя,
Шагом выступал;
Гриву долгую волнуя,
Углублялся вдаль.

Вот пред ним две-три избышки,
Выломан забор;
Здесь – дорога к деревушке,
Там – в дремучий бор.

«Не найду в лесу девицы, –

Думал хват Денис, –
Уж красавицы в светлицы
На ночь убрались».

Шевельнул донец уздою,
Шпорой прикольнул,
И помчался конь стрелою,
К избам завернул.

В облаках луна серебрила
Дальни небеса;
Под окном сидит уныла
Девушка-краса.

Храбрый видит красну деву;
Сердце бьется в нем,
Конь тихонько к леву, к леву –
Вот уж под окном.

«Ночь становится темнее,
Скрылася луна.
Видь, коханочка, скорее,
Напой коня».

«Нет! к мужчине молодому
Страшно подойти,
Страшно выйти мне из дому
Коню дать воды».

«Ах! небось, девица красна,
С милым подружись!» –
«Ночь красавицам опасна». –
«Радость! не страшись!

Верь, коханочка, пустое;
Ложный страх отбрось!
Тратишь время золотое;
Милая, небось!

Сядь на борзого, с тобою
В дальний еду край;
Будешь счастлива со мною:
С другом всюду рай».

Что же девица? Склонилась,
Победила страх,
Робко ехать согласилась.
Счастлив стал казак.

Поскакали, полетели.
Дружку друг любил;
Был ей верен две недели,
В третью изменил.

Князю А. М. Горчакову

Пускай, не знаясь с Аполлоном,
Поэт, придворный философ,
Вельможе знатному с поклоном
Подносит оду в двести строф;
Но я, любезный Горчаков,
Не просыпаюсь с петухами,
И напыщенными стихами,
Набором громозвучных слов,
Я петь пустого не умею
Высоко, тонко и хитро
И в лиру превращать не смею
Мое гусиное перо!
Нет, нет, любезный князь, не оду
Тебе намерен посвятить;
Что прибыли соваться в воду,
Сначала не спросившись броду,
И вслед Державину парить?
Пишу своим я складом ныне
Кой-как стихи на именины.
Что должен я, скажи, в сей час
Желать от чиста сердца другу?
Глубоку ль старость, милый князь,
Детей, любезную супругу,
Или богатства, громких дней,
Крестов, алмазных звезд, честей?
Не пожелать ли, чтобы славой
Ты увлечен был в путь кровавый,
Чтоб в лаврах и венцах сиял,
Чтоб в битвах гром из рук метал

И чтоб победа за тобою,
Как древле невшкому герою,
Всегда, везде летела вслед?
Не сладострастия поэт
Такою песенкой поздравит,
Он лучше муз навек оставит!
Дай бог любви, чтоб ты свой век
Питомцем нежным Эпикура
Провел меж Вакха и Амура!
А там – когда стигийский брег
Мелькнет в туманном отдалении,
Дай бог, чтоб в страстном упоении
Ты с томной сладостью в очах
Из рук младого Купидона
Вступая в мрачный челн Харона,
Уснул... Ершовой на грудях!

Опытность

Кто с минуту переможет
Хладным разумом любовь,
Бремя тягостных оков
Ей на крылья не возложит,
Пусть не смейся, не резвись,
С строгой мудростью дружись;
Но с рассудком вновь заступишь,
Хоть не рад, но дверь отворишь,

Как проказливый Эрот
Постучится у ворот.

Испытал я сам собою
Истину сих правых слов.
«Добрый путь! прости, любовь!
За богинею слепою,
Не за Хлоей, полечу,
Счастье, счастье ухвачу!» –
Мнил я в гордости безумной.
Вдруг услышал хохот шумный,
Оглянулся... и Эрот
Постучался у ворот.

Нет! мне, видно, не придется
С богом сим в размолвке жить,
И покамест жизни нить
Старой Паркой *там* прядется,
Пусть владеет мною он!
Веселиться – мой закон.
Смерть откроет гроб ужасный,
Потемнеют взоры ясны,
И не стукнется Эрот
У могильных уж ворот!

К Наташе

Вянет, вянет лето красно;
Улетают ясны дни;
Стелется туман ненастный
Бора в дремлющей тени;
Опустели злачны нивы,
Хладен ручеек игривый;
Лес кудрявый поседел;
Свод небесный побледнел.

Свет-Наташа! где ты ныне?
Что никто тебя не зрит?
Иль не хочешь час единый
С другом сердца разделить?
Ни над озером волнистым,
Ни под кровом лип душистым
Ранней – позднею порой
Не встречаюсь я с тобой.

Скоро, скоро холод зимный
Рощу, поле посетит;
Огонек в лачужке дымной
Скоро ярко заблестит;
Не увижу я прелестной
И, как чижик в клетке тесной,
Дома буду горевать
И Наташу вспоминать.

Пирующие студенты

Друзья! досужный час настал;

Всё тихо, всё в покое;

Скорее скатерть и бокал!

Сюда, вино златое!

Шипи, шампанское, в стекле.

Друзья, почто же с Кантом

Сенека, Тацит на столе,

Фольянт над фолиантом?

Под стол холодных мудрецов,

Мы полем овладеем;

Под стол ученых дураков!

Без них мы пить умеем.

Ужели трезвого найдем

За скатертью студента?

На всякий случай изберем

Скорее президента.

В награду пьяным – он нальет

И пунш и грог душистый,

А вам, спартанцы, поднесет

Воды в стакане чистой!

Апостол неги и прохлад,

Мой добрый Галич, vale!²

² Будь здоров!

Ты Эпикуров младший брат,
 Душа твоя в бокале.
Главу венками убери,
 Будь нашим президентом,
И станут самые цари
 Завидовать студентам.

Дай руку, Дельвиг! что ты спишь?
 Проснись, ленивец сонный!
Ты не под кафедрой сидишь,
 Латынью усыпленный.
Взгляни, здесь круг твоих друзей;
 Бутыль вином налита,
За здоровье нашей музыки пей,
 Парнасский волокита.
Остряк любезный, по рукам!
 Полней бокал досуга!
И вылей сотню эпиграмм
 На недруга и друга.

А ты, красавец молодой,
 Сиятельный повеса!
Ты будешь Вакха жрец лихой,
 На прочее – завеса!
Хотя студент, хотя я пьян,
 Но скромность почитаю;
Придвинь же пенистый стакан,
 На брань благословляю.

Товарищ милый, друг прямой,
Тряхнем рукою руку,
Оставим в чаше круговой
Педантам сродну скуку:
Не в первый раз мы вместе пьем,
Нередко и бранимся,
Но чашу дружества нальем –
И тотчас помиримся.

А ты, который с детских лет
Одним весельем дышишь,
Забавный, право, ты поэт,
Хоть плохо басни пишешь;
С тобой тасуюсь без чинов,
Люблю тебя душою,
Наполни кружку до краев, –
Рассудок, Бог с тобою!

А ты, повеса из повес,
На шалости рожденный,
Удалый хват, головорез,
Приятель задушевный,
Бутылки, рюмки разобьем
За здоровье Платова,
В казачью шапку пунш нальем –
И пить давайте снова!..

Приблизься, милый наш певец,
Любимый Аполлоном!

Воспой властителя сердец
Гитары тихим звоном.
Как сладостно в стесненну грудь
Томленье звуков льется!..
Но мне ли страстью вздохнуть?
Нет! пьяный лишь смеется!

Не лучше ль, Роде записной,
В честь Вакховой станицы
Теперь скрипеть тебе струной
Расстроенной скрипицы?
Запойте хором, господа,
Нет нужды, что нескладно;
Охрипли? – это не беда:
Для пьяных всё ведь ладно!

Но что?.. я вижу всё вдвоем;
Двоится штоф с араком;
Вся комната пошла кругом;
Покрылись очи мраком...
Где вы, товарищи? где я?
Скажите, Вакха ради...
Вы дремлете, мои друзья,
Склонившись на тетради...
Писатель за свои грехи!
Ты с виду всех трезвее;
Вильгельм, прочти свои стихи,
Чтоб мне заснуть скорее.

Лицинию

Лициний, зришь ли ты: на быстрой колеснице,
Венчанный лаврами, в блестящей багрянице,
Спесиво развалясь, Ветулий молодой
В толпу народную летит по мостовой?
Смотри, как все пред ним смиренно спину клонят;
Смотри, как ликторы народ несчастный гонят!
Льстецов, сенаторов, прелестниц длинный ряд
Умильно вслед за ним стремится усердный взгляд;
Ждут, ловят с трепетом улыбки, глаз движенья,
Как будто дивного богов благословенья,
И дети малые и старцы в седилах,
Все ниц пред идолом безмолвно пали в прах:
Для них и след колес, в грязи напечатленный,
Есть некий памятник почетный и священный.

О Ромулов народ, скажи, давно ль ты пал?
Кто вас поработил и властью оковал?
Квириты гордые под иго преклонились.
Кому ж, о небеса, кому поработились?
(Скажу ль?) Ветулию! Отчизне стыд моей,
Развратный юноша воссел в совет мужей;

Любимец деспота сенатом слабым правит,
На Рим простер ярем, отечество бесславит;
Ветулий римлян царь! О стыд, о времена!
Или вселенная на гибель предана?

Но кто под портиком, с поникшею главою,
В изорванном плаще, с дорожною клюкою,
Сквозь шумную толпу нахмуренный идет?
«Куда ты, наш мудрец, друг истины, Дамет!» –
«Куда: не знаю сам; давно молчу и вижу;
Навек оставлю Рим: я рабство ненавижу».

Лициний, добрый друг! Не лучше ли и нам,
Смиренно поклонясь Фортуне и мечтам,
Седого циника примером научиться?
С развратным городом не лучше ль нам проститься,
Где всё продажное: законы, правота,
И консул, и трибун, и честь, и красота?
Пушай Глицерия, красавица молодая,
Равно всем общая, как чаша круговая,
Неопытность других в наемну ловит сеть!
Нам стыдно слабости с морщинами иметь;
Тщеславной юности оставим блеск веселий:
Пушай бесстыдный Клит, слуга вельмож Корнелий
Торгуют подлостью и с дерзостным челом
От знатных к богачам ползут из дома в дом!
Я сердцем римлянин; кипит в груди свобода;
Во мне не дремлет дух великого народа.
Лициний, поспешим далеко от забот,

Безумных мудрецов, обманчивых красот!
Завистливой судьбы в душе презрев удары,
В деревню пренесем отеческие лары!
В прохладе древних рощ, на берегу морском,
Найти нетрудно нам укромный, светлый дом,
Где, больше не страшась народного волненья,
Под старость отдохнем в глуши уединенья,
И там, расположась в уютном уголке,
При дубе пламенном, возженном в камельке,
Вспомнив старину за дедовским фиалом,
Свой дух воспламеню жестоким Ювеналом,
В сатире праведной порок изображу
И нравы сих веков потомству обнажу.

О Рим, о гордый край разврата, злодеянья!
Придет ужасный день, день мщенья, наказанья.
Предвижу грозного величия конец:
Падет, падет во прах вселенный венец.
Народы юные, сыны свирепой брани,
С мечами на тебя подымут мощны длани,
И горы и моря оставят за собой
И хлынут на тебя кипящею рекой.
Исчезнет Рим; его покроет мрак глубокий;
И путник, устремив на груды камней око,
Воскликнет, в мрачное раздумье углублен:
«Свободой Рим возрос, а рабством погублен».

Старик

Уж я не тот любовник страстный,
Кому дивился прежде свет:
Моя весна и лето красно
Навек прошли, пропал и след.
Амур, бог возраста молодого!
Я твой служитель верный был;
Ах, если б мог родиться снова,
Уж так ли б я тебе служил!

Наполеон на Эльбе

Вечерняя заря в пучине догорала,
Над мрачной Эльбою носилась тишина,
Сквозь тучи бледные тихонько пробегала
Туманная луна;

Уже на западе седой, одетый мглою,
С равниной синих вод сливался небосклон.
Один во тьме ночной над дикою скалою
Сидел Наполеон.

В уме губителя теснились мрачны думы,
Он новую в мечтах Европе цепь ковал

И, к дальним берегам возведши взор угрюмый,
Свирепо прошептал:

«Вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,
Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не вззоет над могилой –
Я здесь один, мятежной думы полн...

О, скоро ли, напелясь под рулями,
Меня помчит покорная волна
И спящих вод прервется тишина?..
Волнуйся, ночь, над эльбскими скалами!
Мрачнее тмись за тучами, луна!

Там ждут меня бесстрашные дружины.
Уже сошлись, уже сомкнуты в строй!
Уж мир лежит в оковах предо мной!
Прейду я к вам сквозь черные пучины
И гряну вновь погибельной грозой!

И вспыхнет брань! за галльскими орлами
С мечом в руках победа полетит,
Кровавый ток в долинах закипит,
И троны в прах низвергну я громами,
И сокрушу Европы дивный щит!..

Но вокруг меня всё мертвым сном почило,
Легла в туман пучина бурных волн,

Не выплывет ни утлый в море челн,
Ни гладный зверь не вззоет над могилой –
Я здесь один, мятежной думы полн...

О счастье! злобный обольститель,
И ты, как сладкий сон, сокрылось от очей,
Средь бурей тайный мой хранитель
И верный пестун с юных дней!
Давно ль невидимой стезею
Меня ко трону ты вело
И скрыло дерзостной рукою
В венцах лавровое чело!
Давно ли с трепетом народы
Несли мне робко дань свободы,
Знамена чести преклоня;
Дымились громы вокруг меня,
И слава в блеске над главою
Неслась, прикрыв меня крылом?..
Но туча грозная нависла над Москвою,
И грянул мести гром!..
Полнощи царь молодой! ты двинул ополченья,
И гибель вслед пошла кровавым знаменам,
Отозвалось могущего паденье,
И мир земле, и радость небесам,
А мне – позор и заточенье!
И раздроблен мой звонкий щит,
Не блещет шлем на поле браней;
В прибрежном злаке меч забыт
И тускнет на тумане.

И тихо всё кругом. В безмолвии ночей
Напрасно чудится мне смерти завыванье,
 И стук блистающих мечей,
 И падших ярое стенанье –
Лишь плещущим волнам внимает жадный слух;
 Умолк сражений клик знакомый,
 Вражды кровавой гаснут громы,
 И факел мщения потух.
Но близок час! грядет минута роковая!
Уже летит ладья, где грозный трон сокрыт;
 Кругом простерта мгла густая,
 И, взором гибели сверкая,
Бледнеющий мятеж на палубе сидит.
Страшись, о Галлия! Европа! мщенье, мщенье!
Рыдай, твой бич восстал – и всё падет во прах,
Всё сгибнет, – и тогда, в всеобщем разрушенье,
 Царем воссяду на гробах!»

Умолк. На небесах лежали мрачны тени,
И месяц, дальних туч покинув темны сени,
Дрожащий, слабый свет на запад изливал, –
Восточная звезда играла в океане,
И зрелася ладья, бегущая в тумане
 Под сводом эльбских грозных скал.
И Галлия тебя, о хищник, осенила;
Побегли с трепетом законные цари.
Но зришь ли? Гаснет день, мгновенно тьма сокрыла
 Лицо пылающей зари,
Простерлась тишина над бездною седой,

Мрачится неба свод, гроза во мгле висит,
Всё смолкло... трепещи! погибель над тобою,
И жребий твой еще сокрыт!

Мое завещание Другьям

Хочу я завтра умереть
И в мир волшебный наслажденья,
На тихий берег вод забвенья,
Веселой тенью отлететь...
Прости навек, очарованье,
Отрада жизни и любви!
Приблизьтесь, о друзья мои,
Благоговенье и вниманье! –
Певец решил умереть.
Итак, с вечернею луною,
В саду нельзя ли дерн одеть
Узорной белой пеленою?
На темный берег сонных вод,
Где мы вели беседы наши,
Нельзя ль, устроив длинный ход,
Нести наполненные чаши?
Зовите на последний пир
Спесивой Семелеи сына,
Эрота, друга наших лир,
Богов и смертных властелина.
Пускай веселье прибежит,

Махая резвою гремушкой,
И нас от сердца рассмешит
За полной пенистою кружкой.
Пуškai игривою толпой
Слетят родные наши музы;
Им первый кубок круговой,
Друзья! священны нам их узы;
До ранней утренней звезды,
До тихого лучей рассвета
Не выйдут из руки поэта
Фиалы братской череды;
В последний раз мою цевницу,
Мечтаний сладостных певицу,
Прижму к восторженной груди.
В последний раз, томимый нежно,
Не вспомню вечность и друзей;
В последний раз на груди снежной
Упьюсь отрадой юных дней!

Когда ж восток озолотится
Во тьме денницей молодой,
И белый топол озарится,
Покрытый утренней росой,
Подайте грозд Анакреона,
Он был учителем моим,
И я сойду путем одним
На грустный берег Ахерона...
Простите, милые друзья,
Подайте руку; до свиданья!

И дайте, дайте обещанье,
Когда навек укроюсь я,
Мое исполнить завещанье.
Приди, певец мой дорогой,
Воспевший Вакха и Темиру,
Тебе дарю я лень и лиру,
Да будут музы над тобой...
Ты не забудешь дружбы нашей,
О Пущин, ветренный мудрец!
Прими с моей глубокой чашей
Увядший миртовый венец!
Друзья! вам сердце оставляю
И память прошлых красных дней,
Окованных счастливой ленью
На ложе маков и лилей;
Мои стихи дарю забвенью,
Последний вздох, о други, ей!..

На тихий праздник погребенья
Я вас обязан пригласить;
Веселость, друг уединенья,
Билеты будет разносить...
Стекитесь резвою толпою,
Главы в венках, рука с рукою,
И пусть на гробе, где певец
Исчезнет в рощах Геликона,
Напишет беглый ваш резец:
*«Здесь дремлет юноша-мудрец,
Питомец нег и Аполлона».*

Моя эпитафия

Здесь Пушкин погребен; он с Музой молодою,
С любовью, ленью провел веселый век,
Не делал доброго, однако ж был душою,
Ей-богу, добрый человек.

На возвращение государя императора из Парижа в 1815 году

Утихла брань племен; в пределах отдаленных
Не слышен битвы шум и голос труб военных;
С небесной высоты, при звуке стройных лир,
На землю мрачную нисходит светлый мир.
Свершилось!.. Русский царь, достиг ты славной цели!
Вотще надменные на родину летели;
Вотще впреди знамен бесчисленных дружин
В могущей дерзости венчанный исполин
На гибель грозно шел, влек цепи за собою:
Меч огненный блеснул за дымною Москвою!
Звезда губителя потухла в вечной мгле,
И пламенный венец померкнул на челе!
Содрогся счастья сын, и, брошенный судьбою,

Он землю русскую не взвидел под собою.
Бежит... и мести гром слетел ему вослед;
И с трона гордый пал... и вновь восстал... и нет!

Тебе, наш храбрый царь, хвала, благодаренье!
Когда полки врагов покрыли отдаленье,
Во броню ополчась, взложив пернатый шлем,
Колена преклонив пред вышним алтарем,
Ты браней меч извлек и клятву дал святуго
От ига оградить страну свою родную.
Мы вняли клятве сей; и гордые сердца
В восторге пламенном летели вслед отца
И смертью роковой горели и дрожали;
И россы пред врагом твердыней грозной стали!..

«К мечам!» – раздался клик, и вихрем понеслись;
Знамена, восшумев, по ветру развились;
Обнялся с братом брат; и милым дали руку
Младые ратники на грустную разлуку;
Сразились. Воспылал свободы ярый бой,
И смерть хватала их холодною рукой!..
А я... вдали громов, в сени твоей надежной...
Я тихо расцветал, беспечный, безмятежный!
Увы! мне не судил таинственный предел
Сражаться за тебя под градом вражьих стрел!..
Сыны Бородина, о кульмские герои!
Я видел, как на брань летели ваши строи;
Душой восторженной за братьями спешил.
Почто ж на бранный дол я крови не пролил?

Почто, сжимая меч младенческой рукою,
Покрытый ранами, не пал я пред тобою
И славы под крылом наутре не почил?
Почто великих дел свидетелем не был?

О, сколь величествен, бессмертный, ты явился,
Когда на сильного с сынами устремился,
И, челы приподняв из мрачности гробов,
Народы, падшие под бременем оков,
Тяжелой цепию с восторгом потрясали
И с робкой радостью друг друга вопрошали:
«Ужель свободны мы?.. Ужели грозный пал?..
Кто смелый? Кто в громах на севере восстал?..»
И ветхую главу Европа преклонила,
Царя-спасителя колена окружила
Освобожденною от рабских уз рукой,
И власть мятежная исчезла пред тобой!

И ныне ты к сынам, о царь наш, возвратился,
И край полуночи восторгом озарился!
Склони на свой народ смиренья полный взгляд —
Все лица радостью, любовью блестят,
Внемли — повсюду весть отрадная несется,
Повсюду гордый клик веселья раздается;
По стогнам шум, везде сияет торжество,
И ты среди толпы, России божество!
Встречать вождя побед летят твои дружины.
Старик, счастливый век забыв Екатерины,
Взирает на тебя с безмолвною слезой.

Ты наш, о русский царь! оставь же шлем стальной,
И грозный меч войны, и щит – ограду нашу;
Излей пред Янусом священну мира чашу
И, брани сокрушив могущею рукой,
Вселенну осени желанной тишиной!..
И придут времена спокойствия златые,
Покроет шлемы ржа, и стрелы каленые,
В колчанах скрытые, забудут свой полет;
Счастливый селянин, не зная бурных бед,
По нивам повлечет плуг, миром изошренный;
Суда летучие, торговлей окриленны,
Кормами рассекут свободный океан,
И юные сыны воинственных славян
Спокойной праздности с досадой предадутся,
И молча некогда вокруг старца соберутся,
Преклонят жадный слух, и ветхим костылем
И стан, и ратный строй, и дальний бор с холмом
На прахе начертит он медленно пред ними,
Словами истины, свободными, простыми,
Им славу прошлых лет в рассказах оживит
И доброго царя в слезах благословит.

Слеза

Вчера за чашей пуншевою
С гусаром я сидел
И молча с мрачною душою

На дальний путь глядел.

«Скажи, что смотришь на дорогу? –

Мой храбрый спросил. –

Еще по ней ты, слава богу,

Друзей не проводил».

К груди поникнув головою,

Я скоро прошептал:

«Гусар! уж нет *ее* со мною!...» –

Вздохнул – и замолчал.

Слеза повисла на реснице

И канула в бокал.

«Дитя, ты плачешь о девице,

Стыдись!» – и замолчал.

«Оставь, гусар... ох! сердце больно.

Ты, знать, не горевал.

Увы! одной слезы довольно,

Чтоб отравить бокал!...»

К бар. М. А. Дельви́г

Вам восемь лет, а мне семнадцать было.

И я считал когда-то восемь лет;

Они прошли. В судьбе своей унылой,

Бог знает как, я ныне стал поэт.
Не возвратить уже того, что было,
Уже я стар, мне незнакома ложь:
Так верьте мне – мы спасены лишь верой.
Послушайте: Амур, как вы, хорош;
Амур дитя, Амур на вас похож –
В мои лета вы будете Венерой.

Но если только буду жив,
Всевышней благостью Зевеса,
И столько же красноречив –
Я напишу вам, баронесса,
В латинском вкусе мадригал,
Чудесный, вовсе без искусства –
Не много истинных похвал,
Но много истинного чувства.
Скажу я: «Ради ваших глаз,
О баронесса! ради балов,
Когда мы все глядим на вас,
Взгляните на меня хоть раз
В награду прежних мадригалов».
Когда ж Амур и Гименей
В прелестной Марии моей
Поздравят молодую даму –
Удастся ль мне, под старость дней,
Вам посвятить эпиграмму?

Из письма к кн. П. А. Вяземскому

Блажен, кто в шуме городском
 Мечтает об уединеньи,
 Кто видит только в отдаленьи
 Пустыню, садик, сельский дом,
 Холмы с безмолвными лесами,
 Долину с резвым ручейком
 И даже... стадо с пастухом!
 Блажен, кто с добрыми друзьями
 Сидит до ночи за столом
 И над славенскими глупцами
 Смеется русскими стихами;
 Блажен, кто шумную Москву
 Для хижинки не покидает...
 И не во сне, а наяву
 Свою любовницу ласкает!..

Из письма к В. Л. Пушкину

Христос воскрес, питомец Феба!

Дай бог, чтоб милостию неба
Рассудок на Руси воскрес;
Он что-то, кажется, исчез.
Дай бог, чтобы во всей вселенной
Воскресли мир и тишина;
Чтоб в Академии почтенной
Воскресли члены ото сна;
Чтоб в наши грешны времена
Воскресла предков добродетель;
Чтобы Шихматовым назло
Воскреснул новый Буало –
Расколов, глупости свидетель;
А с ним побольше серебра
И золота et cetera.

Но да не будет воскресенья
Усопшей прозы и стихов.
Да не воскреснут от забвенья
Покойный господин Бобров,
Хвалы газетчика достойный,
И Николев, поэт покойный,
И беспокойный граф Хвостов,
И все, которые на свете
Писали слишком мудрено,
То есть и хладно и темно,
Что очень стыдно и грешно!

Друзьям

Богами вам еще даны
Златые дни, златые ночи,
И томных дев устремлены
На вас внимательные очи.
Играйте, пойте, о друзья!
Утратьте вечер скоротечный,
И вашей радости беспечной
Сквозь слезы улыбнулся я.

Элегия

Я думал, что любовь погасла навсегда,
Что в сердце злых страстей умолкнул глас мятежный,
Что дружбы наконец отрадная звезда
Страдальца довела до пристани надежной.
Я мнил покоиться близ верных берегов,
Уж издали смотреть, указывать рукою
На парус бедственный пловцов,
Носимых яростной грозою.
И я сказал: «Стократ блажен,
Чей век, свободный и прекрасный,
Как век весны промчался ясной
И страстью не был омрачен,

Кто не страдал в любви напрасной,
Кому неведом грустный плен.
Блажен! но я блаженной боле.
Я цепь мученья разорвал,
Опять я дружбе... я на воле,
И жизни сумрачное поле
Веселый блеск очаровал!»

Но что я говорил... несчастный!
Минуту я заснул в неверной тишине,
Но мрачная любовь таилась во мне,
Не угасал мой пламень страстный.
Весельем позванный в толпу друзей моих,
Хотел на прежний лад настроить резву лиру,
Хотел еще воспеть прелестниц молодых,
Веселье, Вакха и Дельфиру.
Напрасно!... я молчал; усталая рука
Лежала, томная, на лире непослушной,
Я всё еще горел – и в грусти равнодушной
На игры младости взирал издалека.

Любовь, отравя наших дней,
Беги с толпой обманчивых мечтаний.
Не сожигай души моей,
Огонь мучительных желаний.
Летите, призраки... Амур, уж я не твой,
Отдай мне радости, отдай мне мой покой...
Брось одного меня в бесчувственной природе
Иль дай еще летать надежды на крылах,
Позволь еще заснуть и в тягостных цепях
Мечтать о сладостной свободе.

Пробуждение

Мечты, мечты,
Где ваша сладость?
Где ты, где ты,
Ночная радость?
Исчезнул он,
Веселый сон,
И одинокий
Во тьме глубокой
Я пробужден.
Кругом постели
Немая ночь.
Вмиг охладели,
Вмиг улетели
Толпою прочь
Любви мечтанья.
Еще полна
Душа желанья
И ловит сна
Воспоминанья.
Любовь, любовь,
Внемли моленья:
Пошли мне вновь
Свои виденья,
И поутру,

Вновь упоенный,
Пусть умру
Непробужденный.

1817

К Каверину

Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи,
Люблю я первый, будь уверен,
Твои счастливые грехи.
Всё чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный.
Пока живется нам, живи,
Гуляй в мое воспоминанье;
Молись и Вакху и любви
И черни презирай ревнивое роптанье:
Она не ведает, что дружно можно жить
С Киферой, с портиком, и с книгой, и с бокалом;
Что ум высокий можно скрыть
Безумной шалости под легким покрывалом.

Элегия

Опять я ваш, о юные друзья!
Туманные сокрылись дни разлуки:
И брату вновь простерлись ваши руки,
Ваш резвый круг увидел снова я.
Всё те же вы, но сердце уж не то же:
Уже не вы ему всего дороже,
Уж я не тот... Невидимой стезей
Ушла пора веселости беспечной,
Ушла навек, и жизни скоротечной
Луч утренний бледнеет надо мной.
Веселие рассталось с душой.
Отверженный судьбиною ревнивой,
Улыбку, смех, и резвость, и покой –
Я всё забыл; печали молчаливой
Покров лежит над юною главой...
Напрасно вы беседую шутилой
И нежностью души красноречивой
Мой тяжкий сон хотите перервать,
Всё кончилось, – и резвости счастливой
В душе моей изгладилась печать.
Чтоб удалить угрюмые страданья,
Напрасно вы несете лиру мне;
Минувших дней погаснули мечтанья,
И умер глас в бесчувственной струне.
Перед собой одну печаль я вижу!
Мне страшен мир, мне скучен дневный свет;
Пойду в леса, в которых жизни нет,
Где мертвый мрак – я радость ненавижу;
Во мне застыл ее минутный след.

Опали вы, листья вчерашней розы!
Не доцвели до месячных лучей...
Умчались вы, дни радости моей!
Умчались вы – невольно льются слезы,
И вяну я на темном утре дней.

О дружество! предай меня забвенью;
В безмолвии покорствую судьбам,
Оставь меня сердечному мученью,
Оставь меня пустыням и слезам.

К молодой вдове

Лида, друг мой неизменный,
Почему сквозь легкий сон
Часто, негой утомленный,
Слышу я твой тихий стон?
Почему, в любви счастливой
Видя страшную мечту,
Взор недвижный, боязливый
Устремляешь в темноту?
Почему, когда вкушаю
Быстрый обморок любви,
Иногда я замечаю
Слезы тайные твои?
Ты рассеянно внимаешь
Речи пламенной моей,

Хладно руку пожимаешь,
Хладен взор твоих очей...
О бесценная подруга!
Вечно ль слезы проливать,
Вечно ль мертвого супруга
Из могилы вызывать?
Верь мне: узников могилы
Там объемлет вечный сон;
Им не мил уж голос милый,
Не прискорбен скорби стон;
Не для них – весенни розы,
Сладость утра, шум пиров,
Откровенной дружбы слезы
И любовниц робкий зов...
Рано друг твой незабвенный
Вздохом смерти воздохнул
И, блаженством упоенный,
На груди твоей уснул.
Спит увенчанный счастливец;
Верь любви – невинны мы.
Нет! разгневанный ревнивец
Не придет из вечной тьмы;
Тихой ночью гром не грянет,
И завистливая тень
Близ любовников не станет,
Вызывая спящий день.

Дельвигу

Любовью, дружеством и ленью
Укрытый от забот и бед,
Живи под их надежной сенью;
В уединении ты счастлив: ты поэт.
Наперснику богов не страшны бури злые:
Над ним их промысел высокий и святой;
Его баюкают камни молодые
И с перстом на устах хранят его покой.
О милый друг, и мне богини песнопенья
Еще в младенческую грудь
Влияли искру вдохновенья
И тайный указали путь:
Я лирных звуков наслажденья
Младенцем чувствовать умел,
И лира стала мой удел.
Но где же вы, минуты упоенья,
Неизъяснимый сердца жар,
Одушевленный труд и слезы вдохновенья! –
Как дым исчез мой легкий дар.
Как рано зависти привлек я взор кровавый
И злобной клеветы невидимый кинжал!
Нет, нет, ни счастьем, ни славой,
Ни гордой жаждою похвал
Не буду увлечен! В бездействии счастливом
Забуду милых муз, мучительниц моих;

Но, может быть, вздохну в восторге молчаливом,
Внимая звуку струн твоих.

Товарищам

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,
И каждый смотрит на дорогу
С волнением гордых, юных дум.
Иной, под кивер спрятав ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул –
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...

Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья –
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока *ленивому* возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

Разлука

(*Кюхельбекеру*)

В последний раз, в сени уединенья,
Моим стихам внимает наш пенат.
Лицейской жизни милый брат,
Делю с тобой последние мгновенья.
Прошли лета соединенья;
Разорван он, наш верный круг.
Прости!.. Хранимый небом,
Не разлучайся, милый друг,
С свободою и Фебом!
Узнай любовь, неведомую мне,

Любовь надежд, восторгов, упоенья:
И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине!
Прости! Где б ни был я: в огне ли смертной битвы,
При мирных ли берегах родимого ручья,
Святому братству верен я!
И пусть (услышит ли судьба мои молитвы?),
Пусть будут счастливы все, все твои друзья!

Она

«Печален ты: признайся, что с тобой».
– Люблю, мой друг! – «Но кто ж тебя пленила?»
– Она. – «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лила?»
– О, нет! – «Кому ж ты жертвуешь душой?»
– Ах, *ей*. – «Ты скромн, друг сердечный!
Но почему ж ты столько огорчен?
И кто виной? Супруг, отец, конечно...»
– Не то, мой друг! – «Но что ж?» – Я *ей* не *он*.

«Простите, верные дубравы!...»

Простите, верные дубравы!
Прости, беспечный мир полей,
И легкокрылые забавы

Столь быстро улетевших дней!
Прости, Тригорское, где радость
Меня встречала столько раз!
На то ль узнал я вашу сладость,
Чтоб навсегда покинуть вас?
От вас беру воспоминанье,
А сердце оставляю вам.
Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к вашим возвращусь полям,
Приду под липовые своды,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.

К***

Не спрашивай, зачем унылой думой
Среди забав я часто омрачен,
Зачем на всё поднимаю взор угрюмый,
Зачем не мил мне сладкий жизни сон;

Не спрашивай, зачем душой остылой
Я разлюбил веселую любовь
И никого не называю *милой* –
Кто раз любил, уж не полюбит вновь;

Кто счастье знал, уж не узнает счастья.

На краткий миг блаженство нам дано:
От юности, от нег и сладострастья
Останется уныние одно...

Вольность

Ода

Беги, сокройся от очей,
Цитеры слабая царица!
Где ты, где ты, гроза царей,
Свободы гордая певица?
Приди, сорви с меня венок,
Разбей изнеженную лиру...
Хочу воспеть свободу миру,
На тронах поразить порок.

Открой мне благородный след
Того возвышенного галла,
Кому сама средь славных бед
Ты гимны смелые внушала.
Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира! трепещите!
А вы, мужайтесь и внимлите,
Восстаньте, падшие рабы!

Увы! куда ни брошу взор –

Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы;
Везде неправедная власть
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссела – рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

Лишь там над царскою главой
Народов не легло страданье,
Где крепко с вольностью святой
Законов мощных сочетанье;
Где всем простерт их твердый щит,
Где сжатый верными руками
Граждан над равными главами
Их меч без выбора скользит

И преступленье свысока
Сражает праведным размахом;
Где неподкупна их рука
Ни алчной скупостью, ни страхом.
Владыки! вам венец и трон
Дает закон – а не природа, –
Стоите выше вы народа,
Но вечный выше вас закон.

И горе, горе племенам,
Где дремлет он неосторожно,
Где иль народу, иль царям

Законом властвовать возможно!
Тебя в свидетели зову,
О мученик ошибок славных,
За предков в шуме бурь недавних
Сложивший царскую главу.

Восходит к смерти Людовик
В виду безмолвного потомства,
Главой развенчанной приник
К кровавой плахе вероломства.
Молчит закон – народ молчит,
Падет преступная секира...
И се – злодейская порфира
На галлах скованных лежит.

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостью вижу.
Читают на твоём челе
Печать проклятия народы,
Ты ужас мира, стыд природы,
Упрек ты Богу на земле.

Когда на мрачную Неву
Звезда полуночи сверкает
И беззаботную главу
Спокойный сон отягощает,
Глядит задумчивый певец

На грозно спящий средь тумана
Пустынный памятник тирана,
Забвенью брошенный дворец –

И слышит Клии страшный глас
За сими страшными стенами,
Калигулы последний час
Он видит живо пред очами,
Он видит – в лентах и звездах,
Вином и злобой упоенны,
Идут убийцы потаенны,
На лицах дерзость, в сердце страх.

Молчит неверный часовой,
Опущен молча мост подъемный,
Врата отверсты в тьме ночной
Рукой предательства наемной...
О стыд! о ужас наших дней!
Как звери, вторглись янычары!..
Падут бесславные удары...
Погиб увенчанный злодей.

И днесь учитесь, о цари:
Ни наказанья, ни награды,
Ни кров темниц, ни алтари
Не верные для вас ограды.
Склонитесь первые главой
Под сень надежную закона,
И станут вечной стражей трона

Народов вольность и покой.

1818

Жуковскому

Когда, к мечтательному миру
Стремясь возвышенной душой,
Ты держишь на коленях лиру
Нетерпеливою рукой;
Когда сменяются виденья
Перед тобой в волшебной мгле
И быстрый холод вдохновенья
Власы подъемлет на челе:
Ты прав, творишь ты *для немногих*,
Не для завистливых судей,
Не для сбирателей убогих
Чужих суждений и вестей,
Но для друзей таланта строгих,
Священной истины друзей.
Не всякого полюбит счастье,
Не все родились для венцов.
Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!
Кто наслаждение прекрасным
В прекрасный получил удел
И твой восторг уразумел

Восторгом пламенным и ясным!

Мечтателю

Ты в страсти горестной находишь наслаждение;

Тебе приятно слезы лить,

Напрасным пламенем томить воображение

И в сердце тихое уныние таить.

Поверь, не любишь ты, неопытный мечтатель.

О, если бы тебя, унылых чувств искатель,

Постигло страшное безумие любви;

Когда б весь яд ее кипел в твоей крови;

Когда бы в долгие часы бессонной ночи

На ложе, медленно терзаемый тоской,

Ты звал обманчивый покой,

Вотще смыкая скорбны очи,

Покровы жаркие, рыдая, обнимал

И сохнул в бешенстве бесплодного желанья, —

Поверь, тогда б ты не питал

Неблагодарного мечтанья!

Нет, нет! в слезах упав к ногам

Своей любовницы надменной,

Дрожащий, бледный, иступленный,

Тогда б воскликнул ты к богам:

«Отдайте, боги, мне рассудок омраченный,

Возьмите от меня сей образ роковой!

Довольно я любил; отдайте мне покой!»

Но мрачная любовь и образ незабвенный
Остались вечно бы с тобой.

«И я слышал, что Божий свет...»

И я слышал, что Божий свет
Единой дружбою прекрасен,
Что без нее отрады нет,
Что жизни б путь нам был ужасен,
Когда б не тихий дружбы свет.
Но слушай – чувство есть другое:
Оно и нежит и томит,
В трудах, заботах и в покое
Всегда не дремлет и горит;
Оно мучительно, жестоко,
Оно всю душу в нас мертвит,
Коль язвы тяжелой и глубокой
Елей надежды не живит...
Вот страсть, которой я сгораю!..
Я вяну, гибну в цвете лет,
Но исцелиться... не желаю...

Сказки

Noël

Ура! в Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель горько плачет,
За ним и весь народ.

Мария в хлопотах Спасителя страшает:

«Не плачь, дитя, не плачь, сударь:
Вот бука, бука – русский царь!»
Царь входит и вещает:

«Узнай, народ российский,
Что знает целый мир:
И прусский и австрийский
Я сшил себе мундир.

О радуйся, народ: я сыт, здоров и тучен;
Меня газетчик прославлял;
Я пил и ел и обещал –
И делом не замучен.

Послушайте в прибавку,
Что сделаю потом:
Лаврову дам отставку,
А Соца – в желтый дом;

Закон постановлю на место вам Горголи

И людям все права людей,
По царской милости моей,
Отдам из доброй воли».

От радости в постеле
Распрыгалось дитя:
«Неужто в самом деле?
Неужто не шутя?»
А мать ему: «Бай-бай! закрой свои ты глазки;
Пора уснуть уж наконец,
Послушавши, как царь-отец
Рассказывает сказки».

Прелестнице

К чему нескромным сим убором,
Умильным голосом и взором
Младое сердце распалить
И тихим, сладостным укором
К победе легкой вызывать?
К чему обманчивая нежность,
Стыдливости притворный вид,
Движений томная небрежность
И трепет уст и жар ланит?
Напрасны хитрые старанья:
В порочном сердце жизни нет...
Невольный хлад негодованья

Тебе мой роковой ответ.
Твоею прелестью надменной
Кто не владел во тьме ночной?
Скажи: у двери оцененной
Твоей обители презренной
Кто смелой не стучал рукой?
Нет, нет, другому свой завялый
Неси, прелестница, венок;
Ласкай неопытный порок,
В твоих объятиях усталый;
Но гордый замысел забудь:
Не привлечешь питомца музы
Ты на предательскую грудь!
Неси другим наемны узы,
Своей любви постыдный торг,
Корысти хладные лобзанья,
И принужденные желанья,
И златом купленный восторг!

К Чаадаеву

Любви, надежды, тихой славы
Недолго нежил нас обман,
Исчезли юные забавы,
Как сон, как утренний туман;
Но в нас горит еще желанье,
Под гнетом власти роковой

Нетерпеливою душой
Отчизны внемлем призыванье.
Мы ждем с томленьем упованья
Минуты вольности святой,
Как ждет любовник молодой
Минуту верного свиданья.
Пока свободою горим,
Пока сердца для чести живы,
Мой друг, отчизне посвятим
Души прекрасные порывы!
Товарищ, верь: взойдет она,
Звезда пленительного счастья,
Россия вспрянет ото сна,
И на обломках самовластья
Напишут наши имена!

1819

Орлову

О ты, который сочетал
С душою пылкой, откровенной
(Хотя и русский генерал)
Любезность, разум просвещенный;
О ты, который, с каждым днем
Вставая на военну муку,
Усталым усачам верхом
Преподаешь царей науку,
Но не бесславишь сгоряча
Свою воинственную руку
Презренной палкой палача, —
Орлов, ты прав: я забываю
Свои гусарские мечты
И с Соломоном восклицаю:
Мундир и сабля — суеты!
На генерала Киселева
Не положу своих надежд,
Он очень мил, о том ни слова,
Он враг коварства и невежд;
За шумным, медленным обедом
Я рад сидеть его соседом,

До ночи слушать рад его;
Но он придворный: обещанья
Ему не стоят ничего.
Смирив немирные желанья,
Без долимана, без усов,
Сокроюсь с тайною свободой,
С цевницей, негой и природой
Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате
В бухарской шапке и в халате,
Я буду петь моих богов,
И буду ждать. – Когда ж восстанет
С одра покоя бог мечей
И брани громкий вызов грянет,
Тогда покину мир полей;
Питомец пламенный Беллоны,
У трона верный гражданин!
Орлов, я стану под знамены
Твоих воинственных дружин;
В шатрах, средь сечи, средь пожаров,
С мечом и с лирой боевой
Рубиться буду пред тобой
И славу петь твоих ударов.

Деревня

Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льется дней моих невидимый поток

На лоне счастья и забвенья.

Я твой – я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой – люблю сей темный сад

С его прохладой и цветами,

Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят;
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,

Вдали рассыпанные хаты,

На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;

Везде следы довольства и труда...

Я здесь, от суетных оков освобожденный,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанию не внимать толпы непросвещенной,

Участьем отвечать застенчивой мольбе
И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
В уединеньи величавом
Слышнее ваш отрадный глас;
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

Не видя слез, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам

Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярем до гроба все влекут;
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
Здесь девы юные цветут
Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,

Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собою умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещенной
Взойдет ли наконец прекрасная заря?

Уединение

Блажен, кто в отдаленной сени,
Вдали взыскательных невежд³,
Дни делит меж трудов и лени,
Воспоминаний и надежд;
Кому судьба друзей послала,
Кто скрыт, по милости Творца,
От усыпителя глупца,
От пробудителя нахала.

³ В рукописном тексте: Вдали тиранов и невежд.

Веселый пир

Я люблю вечерний пир,
Где веселье председатель,
А свобода, мой кумир,
За столом законодатель;
Где до утра слово пей!
Заглушает крики песен,
Где просторен круг гостей,
А кружок бутылок тесен.

Возрождение

Художник-варвар кистью сонной
Картину гения чернит
И свой рисунок беззаконный
Над ней бессмысленно чертит.

Но краски чуждые, с летами,
Спадают ветхой чешуей;
Созданье гения пред нами
Выходит с прежней красотой.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,

И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней.

Послание к кн. А. М. Горчакову

Питомец мод, большого света друг,
Обычаев блестящий наблюдатель,
Ты мне велишь оставить мирный круг,
Где, красоты беспечный обожатель,
Я провожу незнаемый досуг.
Как ты, мой друг, в неопытные лета,
Опасною прельщенный суетой,
Терял я жизнь, и чувства, и покой;
Но угорел в чаду большого света
И отдохнуть убрался я домой.
И, признаюсь, мне во сто крат милее
Младых повес счастливая семья,
Где ум кипит, где в мыслях волен я,
Где спорю вслух, где чувствую живее,
И где мы все – прекрасного друзья, –
Чем вялые, бездушные собранья,
Где ум хранит невольное молчанье,
Где холодом сердца поражены,
Где Бутурлин – невежд законодатель,
Где Шепинг – царь, а скука – председатель,
Где глупостью единой все равны.
Я помню их, детей самолюбивых,

Злых без ума, без гордости спесивых,
И, разглядев тиранов модных зал,
Чуждаюсь их укоров и похвал!..
Когда в кругу Лаис благочестивых
Затянутый невежда-генерал
Красавицам внимательным и сонным
С трудом острит французский мадригал,
Глядя на всех с нахальством благосклонным,
И все вокруг и дремлют, и молчат,
Крутят усы и шпорами бренчат
Да изредка с улыбкою зевают, –
Тогда, мой друг, забытых шалунов
Свобода, Вакх и музы угощают.
Не слышу я бывало-острых слов,
Политики смешного лепетанья,
Не вижу я изношенных глупцов,
Святых невежд, почетных подлецов
И мистики придворного кривлянья!..
И ты на миг оставь своих вельмож
И тесный круг друзей моих умножь,
О ты, харит любовник своевольный,
Приятный льстец, язвительный болтун,
По-прежнему остряк небогомольный,
По-прежнему философ и шалун.

1817 – апрель 1820

На Аракчеева

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель
И Совета он учитель,
А царю он – друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести,
Кто ж он? «Преданный без лести»,
..... грошевой солдат.

К портрету Чаадаева

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской.
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он – офицер гусарский.

«Увы! зачем она блистает...»

Увы! зачем она блистает
Минутной, нежной красотой?
Она приметно увядает
Во цвете юности живой...
Увянет! Жизнью молодою
Недолго наслаждаться ей;
Недолго радовать собою
Счастливый круг семьи своей,
Беспечной, милой остротою
Беседы наши оживлять
И тихой, ясною душою
Страдальца душу услаждать...
Спешу в волненьи дум тяжелых,
Сокрыв уныние мое,
Наслушаться речей веселых
И наглядеться на нее.
Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей,
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

«Погасло дневное светило...»

Погасло дневное светило;
На море синее вечерний пал туман.
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспоминая упоенный...
И чувствую: в очах родились слезы вновь;
Душа кипит и замирает;
Мечта знакомая вокруг меня летает;
Я вспомнил прежних лет безумную любовь,
И всё, чем я страдал, и всё, что сердцу мило,
Желаний и надежд томительный обман...
Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан.
Лети, корабль, неси меня к пределам дальным
По грозной прихоти обманчивых морей,
Но только не к берегам печальным
Туманной родины моей.
Страны, где пламенем страстей
Впервые чувства разгорались,
Где музы нежные мне тайно улыбались,
Где рано в бурях отцвела
Моя потерянная младость,

Где легкокрылая мне изменила радость
И сердце холодное страданию предала.

Искатель новых впечатлений,
Я вас бежал, отчески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья;
И вы, наперсницы порочных заблуждений,
Которым без любви я жертвовал собой,
Покоем, славою, свободой и душой,
И вы забыты мной, изменницы молодые,
Подруги тайные моей весны златая,
И вы забыты мной... Но прежних сердца ран,
Глубоких ран любви, ничто не излечило...

Шуми, шуми, послушное ветрило,
Волнуйся подо мной, угрюмый океан...

«Редет облаков летучая гряда...»

Редет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины.
Люблю твой слабый свет в небесной вышине;
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,

Где дремлет нежный мирт и темный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень –
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1821

Муза

В младенчестве моем она меня любила
И семиствольную цевницу мне вручила.
Она внимала мне с улыбкой – и слегка
По звонким скважинам пустого тростника
Уже наигрывал я слабыми перстами
И гимны важные, внушенные богами,
И песни мирные фригийских пастухов.
С утра до вечера в немой тени дубов
Прилежно я внимал урокам девы тайной;
И, радуя меня наградою случайной,
Откинув локоны от милого чела,
Сама из рук моих свирель она брала.
Тростник был оживлен божественным дыханьем
И сердце наполнял святым очарованьем.

«Я пережил свои желанья...»

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;

Остались мне одни страдания,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец;
Живу печальный, одинокий
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один – на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

Война

Война!.. Подъяты наконец,
Шумят знамены бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздник мести;
Засвищет вокруг меня губительный свинец.
И сколько сильных впечатлений
Для жаждущей души моей!
Стремление бурных ополчений,
Тревоги стана, звук мечей,
И в роковом огне сражений
Паденье ратных и вождей!
Предметы гордых песнопений
Разбудят мой уснувший гений!

Всё ново будет мне: простая сень шатра,
Огни врагов, их чуждое взыванье,
Вечерний барабан, гром пушки, визг ядра
И смерти грозной ожиданье.
Родишься ль ты во мне, слепая славы страсть,
Ты, жажда гибели, свирепый жар героев?
Венок ли мне двойной достанется на часть,
Кончину ль темную судил мне жребий боев?
И всё умрет со мной: надежды юных дней,
Священный сердца жар, к высокому стремленье,
Воспоминание и брата и друзей,
И мыслей творческих напрасное волненье,
И ты, и ты, любовь!.. Ужель ни бранный шум,
Ни ратные труды, ни ропот гордой славы,
Ничто не заглушит моих привычных дум?
Я таю, жертва злой отравы:
Покой бежит меня; нет власти над собой,
И тягостная лень душою овладела...
Что ж медлит ужас боевой?
Что ж битва первая еще не закипела?..

**«Умолкну скоро я!.. Но
если в день печали...»**

Умолкну скоро я!.. Но если в день печали
Задумчивой игрой мне струны отвечали;

Но если юноши, внимая молча мне,
Дивились долгому любви моей мученью;
Но если ты сама, предавшись умиленью,
Печальные стихи твердила в тишине
И сердца моего язык любила страстный...
Но если я любим... позволь, о милый друг,
Позволь одушевить прощальный лиры звук
Заветным именем любовницы прекрасной...
Когда меня навек обымет смертный сон,
Над урной моей промолви с умилением:
Он мною был любим, он мне был одолжен
И песен, и любви последним вдохновеньем.

«Мой друг, забыты мной следы минувших лет...»

Мой друг, забыты мной следы минувших лет
И младости моей мятежное течение.
Не спрашивай меня о том, чего уж нет,
Что было мне дано в печаль и в наслажденье,
Что я любил, что изменило мне.
Пусть я радости вкушаю не вполне;
Но ты, невинная, ты рождена для счастья.
Беспечно верь ему, летучий миг лови:
Душа твоя жива для дружбы, для любви,
Для поцелуев сладострастья;

Душа твоя чиста; унынье чуждо ей;
Светла, как ясный день, младенческая совесть.
К чему тебе внимать безумства и страстей
Незанимательную повесть?
Она твой тихий ум невольно возмутит;
Ты слезы будешь лить, ты сердцем содрогнешься;
Доверчивой души беспечность улетит,
И ты моей любви... быть может, ужаснешься.
Быть может, навсегда... Нет, милая моя,
Лишиться я боюсь последних наслаждений.
Не требуй от меня опасных откровений:
Сегодня я люблю, сегодня счастлив я.

Наполеон

Чудесный жребий совершился;
Угас великий человек.
В неволе мрачной закатился
Наполеона грозный век.
Исчез властитель осужденный,
Могучий баловень побед,
И для изгнанника вселенной
Уже потомство настает.

О ты, чьей памятью кровавой
Мир долго, долго будет полн,
Приосенен твоею славой,

Почий среди пустынных волн...
Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почил
И луч бессмертия горит.

Давно ль орлы твои летали
Над обесславленной землей?
Давно ли царства упали
При громах силы роковой;
Послушны воле своенравной,
Бедой шумели знамена,
И налагал ярем державный
Ты на земные племена?

Когда, надеждой озаренный,
От рабства пробудился мир
И галл десницей разъяренной
Низвергнул ветхий свой кумир,
Когда на площади мятежной
Во прахе царский труп лежал
И день великий, неизбежный,
Свободы яркий день вставал, —

Тогда в волненьи бурь народных
Предвидя чудный свой удел,
В его надеждах благородных
Ты человечество презрел,
В свое погибельное счастье

Ты дерзкой веровал душой,
Тебя пленяло самовластье
Разочарованной красой.

И обновленного народа
Ты буйность юную смирил,
Новорожденная свобода,
Вдруг онемев, лишилась сил;
Среди рабов до упоенья
Ты жажду власти утолил,
Помчал к боям их ополченья,
Их цепи лаврами обвил.

И Франция, добыча славы,
Плененный устремила взор,
Забыв надежды величавы,
На свой блистательный позор.
Ты вел мечи на пир обильный;
Всё пало с шумом пред тобой:
Европа гибла; сон могильный
Носился над ее главой.

И се, в величии постыдном
Ступил на грудь ее колосс.
Тильзит!.. (при звуке сем обидном
Теперь не побледнеет росс) –
Тильзит надменного героя
Последней славою венчал,
Но скучный мир, но хлад покоя

Счастливец душу волновал.

Надменный! кто тебя подвигнул?
Кто обуял твой дивный ум?
Как сердца русских не постигнул
Ты с высоты отважных дум?
Великодушного пожара
Не предузнав, уж ты мечтал,
Что мира вновь мы ждем, как дара;
Но поздно русских разгадал...

Россия, бранная царица,
Вспомни древние права!
Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!
Настали времена другие,
Исчезни, краткий наш позор!
Благослови Москву, Россия!
Война по гроб – наш договор!

Оцепенелыми руками
Схватив железный свой венец,
Он бездну видит пред очами,
Он гибнет, гибнет наконец.
Бежат Европы ополченья!
Окровавленные снега
Провозгласили их паденье,
И тает с ними след врага.

И всё, как буря, закипело;
Европа свой расторгла плен;
Вослед тирану полетело,
Как гром, проклятие племен.
И длань народной Немезиды
Подъяту видит великан:
И до последней все обиды
Отплачены тебе, тиран!

Искуплены его стяжанья
И зло воинственных чудес
Тоскою душевного изгнания
Под сенью чуждою небес.
И знойный остров заточенья
Полнощный парус посетит,
И путник слово примиренья
На оном камне начертит,

Где, устремив на волны очи,
Изгнанник помнил звук мечей,
И льдистый ужас полуночи,
И небо Франции своей;
Где иногда, в своей пустыне
Забыв войну, потомство, трон,
Один, один, о милом сыне
В уныньи горьком думал он.

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день

Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Десятая заповедь

Добра чужого не желать
Ты, Боже, мне повелеваешь;
Но меру сил моих ты знаешь –
Мне ль нежным чувством управлять?
Обидеть друга не желаю,
И не хочу его села,
Не нужно мне его вола,
На всё спокойно я взираю:
Ни дом его, ни скот, ни раб,
Не лестна мне вся благостыня.
Но ежели его рабыня
Прелестна... Господи! я слаб!
И ежели его подруга
Мила, как ангел во плоти, –
О Боже праведный! прости
Мне зависть ко блаженству друга.
Кто сердцем мог повелевать?
Кто раб усилий бесполезных?

Как можно не любить любезных?
Как райских благ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгий долг умею чтить,
Страшусь желаньям сердца льстить,
Молчу... и втайне я страдаю.

Друзьям

Вчера был день разлуки шумной.
Вчера был Вакха буйный пир,
При кликах юности безумной,
При громе чаш, при звуке лир.

Так! музы вас благословили,
Венками свыше осень,
Когда вы, други, отличили
Почетной чашею меня.

Честолюбивой позолотой
Не ослепляя наших глаз,
Она не суетной работой,
Не резьбою пленяла нас;

Но тем одним лишь отличалась,
Что, жажду скифскую поя,
Бутылка полная вливалась

В ее широкие края.

Я пил – и думою сердечной
Во дни минувшие летал,
И горе жизни скоротечной,
И сны любви воспоминал.

Меня смешила их измена:
И скорбь исчезла предо мной,
Как исчезает в чашах пена
Под зашипевшею струей.

Песнь о вещем Олеге

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из темного леса навстречу ему
Идет вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях прошедший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
Что сбудется в жизни со мною?
И скоро ль, на радость соседей-врагов,
Могильной засыплюсь землею?
Открой мне всю правду, не бойся меня:
В награду любого возьмешь ты коня». —

«Волхвы не боятся могучих владык,
А княжеский дар им не нужен;
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен.
Грядущие годы таятся во мгле;
Но вижу твой жребий на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово мое:
Воителю слава — отрада;
Победой прославлено имя твое:
Твой щит на вратах Цареграда;
И волны и суша покорны тебе;
Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
В часы роковой непогоды,
И пращ, и стрела, и лукавый кинжал
Щадят победителя годы...
Под грозной броней ты не ведаешь ран;
Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
Он, чуя господскую волю,
То смиренный стоит под стрелами врагов,
То мчится по бранному полю,
И холод и сеча ему ничего...
Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся – однако чело
И взор омрачились думой.
В молчаньи, рукой опершись на седло,
С коня он слезает угрюмый;
И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время:
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся, да помни меня.
Вы, отроки-друзи, возьмите коня,

Покройте попоной, мохнатым ковром,
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном,
Водой ключевою поите».
И отроки тотчас с конем отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег

При звоне веселом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ, – промолвил Олег, –
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль легок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твое предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня».
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят – на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

Князь тихо на череп коня наступил
И молвил: «Спи, друг одинокий!

Твой старый хозяин тебя пережил:
На тризне, уже недалеко,
Не ты под секирой ковыль обagriшь
И жаркою кровью мой прах напоишь!

Так вот где таилась погибель моя!
Мне смертию кость угрожала!»
Из мертвой главы гробовая змия
Шипя между тем выползала;
Как черная лента, вокруг ног обвилась,
И вскрикнул внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На тризне плачевной Олега;
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у брега;
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Гречанке

Ты рождена воспламенять
Воображение поэтов,
Его тревожить и пленять
Любезной живостью приветов,
Восточной странностью речей,
Блистаньем зеркальных очей

И этой ножкою нескромной...
Ты рождена для неги томной,
Для упоения страстей.
Скажи – когда певец Леилы
В мечтах небесных рисовал
Свой неизменный идеал,
Уж не тебя ль изображал
Поэт мучительный и милый?
Быть может, в дальней стороне,
Под небом Греции священной,
Тебя страдалец вдохновенный
Узнал иль видел, как во сне,
И скрылся образ незабвенный
В его сердечной глубине?
Быть может, лирою счастливой
Тебя волшебник искушал;
Невольный трепет возникал
В твоей груди самолюбивой,
И ты, склонясь к его плечу...
Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
Питать я пламя не хочу;
Мне долго счастье чуждо было,
Мне ново наслаждаться им,
И, тайной грустию томим,
Боюсь: неверно всё, что мило.

Послание цензору

Угрюмый сторож муз, гонитель давний мой,
Сегодня рассуждать задумал я с тобой.
Не бойся: не хочу, прельщенный мыслью ложной,
Цензуру поносить хулой неосторожной;
Что нужно Лондону, то рано для Москвы.
У нас писатели, я знаю, каковы;
Их мыслей не теснит цензурная расправа,
И чистая душа перед тобою права.

Во-первых, искренно я признаюсь тебе,
Нередко о твоей жалею я судьбе:
Людской бессмыслицы присяжный толкователь,
Хвостова, Буниной единственный читатель,
Ты вечно разбирать обязан за грехи
То прозу глупую, то глупые стихи.
Российских авторов нелегкое встревожит:
Кто английский роман с французского преложит,
Тот оду сочинит, потея да кряхтя,
Другой трагедию напишет нам шутя, –
До них нам дела нет; а ты читай, бесися,
Зевай, сто раз засни, а после подпишися.

Так – цензор мученик; порой захочет он
Ум чтеньем освежить; Руссо, Вольтер, Бюффон,
Державин, Карамзин манят его желанье,

А должен посвятить бесплодное вниманье
На бредни новые какого-то враля,
Которому досуг петь рощи да поля,
Да, связь утратя в них, ищи ее с начала
Или вымарывай из тощего журнала
Насмешки грубые и площадную брань,
Учтивых остряков затейливую дань.

Но цензор – гражданин, и сан его священный;
Он должен ум иметь прямой и просвещенный;
Он сердцем почитать привык алтарь и трон;
Но мнений не теснит и разум терпит он.
Блюститель тишины, приличия и нравов
Не преступает сам начертанных уставов,
Закону преданный, отечество любя,
Принять ответственность умеет на себя;
Полезной истине пути не заграждает,
Живой поэзии резвиться не мешает;
Он друг писателю, пред знатью не труслив,
Благоразумен, тверд, свободен, справедлив.

А ты, глупец и трус, что делаешь ты с нами?
Где должно б умствовать, ты хлопаешь глазами,
Не понимая нас, мараешь и дерешь;
Ты черным белое по прихоти зовешь;
Сатиру – пасквилем, поэзию – развратом,
Глас правды – мятежом, Куницына – Маратом.
Решил – а там поди, хоть на тебя проси.
Скажи, не стыдно ли, что на святой Руси,

Благодаря тебя, не видим книг доселе?
И если говорить задумают о деле,
То, славу русскую и здравый ум любя,
Сам государь велит печатать без тебя.
Остались нам стихи: поэмы, триолеты,
Баллады, басенки, элегии, куплеты,
Досугов и любви невинные мечты,
Воображения минутные цветы.
О варвар! кто из нас, владельцев русской лиры,
Не проклинал твоей губительной секиры?
Докучным евнухом ты бродишь между муз;
Ни чувства пылкие, ни блеск ума, ни вкус,
Ни слог певца «Пиров», столь чистый, благородный, —
Ничто не трогает души твоей холодной.
На всё кидаешь ты косою, неверный взгляд.
Подозревая всё, во всем ты видишь яд.

Оставь, пожалуй, труд, нимало не похвальный:
Парнас не монастырь и не гарем печальный,
И, право, никогда искусный коновал
Излишней пылкости Пегаса не лишал.
Чего боишься ты? Поверь мне, чьи забавы —
Осмеивать закон, правительство иль нравы,
Тот не подвергнется взысканью твоему;
Тот незнаком тебе, мы знаем почему, —
И рукопись его, не погибая в Лете,
Без подписи твоей разгуливает в свете.
Барков шутливых од тебе не посылал,
Радищев, рабства враг, цензуры избежал,

И Пушкина стихи в печати не бывали;
Что нужды? их и так иные прочитали.
Но ты свое несешь, и в наш премудрый век
Едва ли Шаликов не вредный человек.
Зачем себя и нас терзаешь без причины?
Скажи, читал ли ты Наказ Екатерины?
Прочти, пойми его, увидишь ясно в нем
Свой долг, свои права, пойдешь иным путем.
В глазах монархини сатирик превосходный
Невежество казнил в комедии народной,
Хоть в узкой голове придворного глупца
Кутейкин и Христос два равные лица.
Державин, бич вельмож, при звуке грозной лиры
Их горделивые разоблачал кумиры;
Хемницер истину с улыбкой говорил,
Наперсник Душеньки двусмысленно шутил,
Киприду иногда являл без покрывала –
И никому из них цензура не мешала.
Ты что-то хмуришься; признайся, в наши дни
С тобой не так легко б разделились они?
Кто ж в этом виноват? перед тобой зеркало:
Дней Александровых прекрасное начало.
Проведай, что в те дни произвела печать.
На поприще ума нельзя нам отступить.
Старинной глупости мы праведно стыдимся,
Ужели к тем годам мы снова обратимся,
Когда никто не смел отечество назвать,
И в рабстве ползали и люди, и печать?
Нет, нет! оно прошло, губительное время,

Когда невежества несла Россия бремя.
Где славный Карамзин снискал себе венец,
Там цензором уже не может быть глупец...
Исправся ж, будь умней и примирился с нами.

«Всё правда, – скажешь ты, – не стану
спорить с вами:

Но можно ль цензору по совести судить?
Я должен то того, то этого щадить.
Конечно, вам смешно, а я нередко плачу,
Читаю да крещусь, мараю наудачу –
На всё есть мода, вкус; бывало, например,
У нас в большой чести Бентам, Руссо, Вольтер,
А нынче и Миллот попался в наши сети.
Я бедный человек; к тому ж жена и дети...»
Жена и дети, друг, поверь – большое зло;
От них всё скверное у нас произошло.
Но делать нечего. Так если невозможно
Тебе скорей домой убраться осторожно,
И службою своей ты нужен для царя,
Хоть умного себе возьми секретаря.

«Наперсница волшебной старины...»

Наперсница волшебной старины,
Друг вымыслов игривых и печальных,
Тебя я знал во дни моей весны,

Во дни утех и снов первоначальных.
Я ждал тебя; в вечерней тишине
Являлась ты веселою старушкой
И надо мной сидела в шушуне,
В больших очках и с резвою гремушкой.
Ты, детскую качая колыбель,
Мой юный слух напевами пленила
И меж пелен оставила свирель,
Которую сама заворожила.
Младенчество прошло, как легкий сон:
Ты отрока беспечного любила,
Средь важных муз тебя лишь помнил он,
И ты его тихонько посетила;
Но тот ли был твой образ, твой убор?
Как мило ты, как быстро изменилась!
Каким огнем улыбка оживилась!
Каким огнем блеснул приветный взор!
Покров, клубясь волною непослушной,
Чуть осенял твой стан полувоздушный;
Вся в локонах, обвитая венком,
Прелестницы глава благоухала;
Грудь белая под желтым жемчугом
Румянилась и тихо трепетала...

Узник

Сижу за решеткой в темнице сырой,

Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.

Клюет, и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!...»

Царское село

Хранитель милых чувств и прошлых
наслаждений,
О ты, певцу дубрав давно знакомый гений,
Воспоминание, рисуй передо мной
Волшебные места, где я живу душой,
Леса, где я любил, где чувство развивалось,
Где с первой юностью младенчество сливалось
И где, взлелеянный природой и мечтой,
Я знал поэзию, веселость и покой...

Другой пускай поет героев и войну,
Я скромно возлюбил живую тишину
И, чуждый призраку блистательных слав,
Вам, Царского Села прекрасные дубравы,
Отныне посвятил, безвестной музы друг,
И песни мирные и сладостный досуг.

Веди, ведем меня под липовые сени,
Всегда любезные моей свободной лени,
На берег озера, на тихий скат холмов!..
Да вновь увижу я ковры густых лугов,

И дряхлый пук дерев, и светлую долину,
И зланных берегов знакомую картину,
И в тихом озере, средь блестящих зыбей,
Станицу гордую спокойных лебедей.

Ночь

Мой голос для тебя и ласковый, и томный
Тревожит позднее молчанье ночи темной.
Близ ложа моего печальная свеча
Горит; мои стихи, сливаясь и журча,
Текут, ручьи любви, текут, полны тобою.
Во тьме твои глаза блистают предо мною,
Мне улыбаются – и звуки слышу я:
Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..

«Надеждой сладостной младенчески дыша...»

Надеждой сладостной младенчески дыша,
Когда бы верил я, что некогда душа,
От тленья убежав, уносит мысли вечны,
И память, и любовь в пучины бесконечны, –
Клянусь! давно бы я оставил этот мир:

Я сокрушил бы жизнь, уродливый кумир,
И улетел в страну свободы, наслаждений,
В страну, где смерти нет, где нет предрассуждений,
Где мысль одна плывет в небесной чистоте...

Но тщетно предаюсь обманчивой мечте;
Мой ум упорствует, надежду презирает:
Ничтожество меня за гробом ожидает...
Как! ничего? – Ни мысль, ни первая любовь!
Мне страшно!.. И на жизнь гляжу печален вновь,
И долго жить хочу, чтоб долго образ милый
Таился и пылал в душе моей унылой.

Демон

В те дни, когда мне были новы
Все впечатленья бытия –
И взоры дев, и шум дубровы,
И ночью пенье соловья,
Когда возвышенные чувства,
Свобода, слава и любовь
И вдохновенные искусства
Так сильно волновали кровь, –
Часы надежд и наслаждений
Тоской внезапной осеня,
Тогда какой-то злобный гений
Стал тайно навещать меня.

Печальны были наши встречи:
Его улыбка, чудный взгляд,
Его язвительные речи
Вливали в душу холодный яд.
Неистоимой клеветою
Он провиденье искушал;
Он звал прекрасное мечтою;
Он вдохновенье презирал;
Не верил он любви, свободе,
На жизнь насмешливо глядел –
И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

«Простишь ли мне ревнивые мечты...»

Простишь ли мне ревнивые мечты,
Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,

Терзаюсь я досадой одинокой;
Ни слова мне, ни взгляда... друг жестокий!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор, –
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим... Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:
Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжело я страдаю.

**«Зачем ты послан был,
и кто тебя послал?..»**

Зачем ты послан был, и кто тебя послал?
Чего – добра иль зла ты верный был свершитель?
Зачем потух, зачем блистал,
Земли чудесный посетитель?

Вещали книжники, тревожились цари,
Толпа пред ними волновалась,
Разоблаченные пустели алтари,
Свободы буря подымалась

И вдруг нагрянула... Упали в прах и в кровь,
Разбились ветхие скрижали.
Явился муж судеб, рабы затихли вновь,
Мечи да цепи зазвучали.

И горд и наг пришел разврат,
И перед ним сердца застыли,
За власть отечество забыли,
За злато продал брата брат.
Рекли безумцы: нет свободы,

И им поверили народы.
И безразлично, в их речах,
Добро и зло – всё стало тенью, –
Всё было предано презренью,
Как ветру предан дольный прах.

На гр. М. С. Воронцова

Полу-милорд, полу-купец,
Полу-мудрец, полу-невежда,
Полу-подлец, но есть надежда,
Что будет полным наконец.

Разговор книгопродавца с поэтом

Книгопродавец
Стишки для вас одна забава,
Немножко стоит вам присесть,
Уж разгласить успела слава
Везде приятнейшую весть:
Поэма, говорят, готова,
Плод новых умственных затей.
Итак, решите; жду я слова:
Назначьте сами цену ей.
Стишки любимца муз и граций

Мы вмиг рублями заменим
И в пук наличных ассигнаций
Листочки ваши обратим...
О чем вздохнули так глубоко?
Нельзя ль узнать?

Поэт

Я был далеко:
Я время то воспоминал,
Когда, надеждами богатый,
Поэт беспечный, я писал
Из вдохновенья, не из платы.
Я видел вновь приюты скал
И темный кров уединенья,
Где я на пир воображенья,
Бывало, музу призывал.
Там слаще голос мой звучал;
Там доле яркие виденья,
С неизъяснимою красой,
Вились, летали надо мной
В часы ночного вдохновенья!
Всё волновало нежный ум:
Цветущий луг, луны блистанье,
В часовне ветхой бури шум,
Старушки чудное преданье.
Какой-то демон обладал
Моими играми, досугом;
За мной повсюду он летал,
Мне звуки дивные шептал,

И тяжким, пламенным недугом
Была полна моя глава;
В ней грезы чудные рождались;
В размеры стройные стекались
Мои послушные слова
И звонкой рифмой замыкались.
В гармонии соперник мой
Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шепот речки тихоструйной.
Тогда, в безмолвии трудов,
Делиться не был я готов
С толпою пламенным восторгом
И музы сладостных даров
Не унижал постыдным торгом;
Я был хранитель их скупой;
Так точно, в гордости немой,
От взоров черни лицемерной
Дары любовницы младой
Хранит любовник суеверный.

Книгопродавец
Но слава заменила вам
Мечтанья тайного отрады:
Вы разошлись по рукам,
Меж тем как пыльные громады
Лежалой прозы и стихов
Напрасно ждут себе чтецов

И ветреной ее награды.

Поэт

Блажен, кто про себя таил
Души высокие созданья
И от людей, как от могил,
Не ждал за чувства воздаянья!
Блажен, кто молча был поэт
И, терном славы не увитый,
Презренной чернию забытый,
Без имени покинул свет!
Обманчивей и снов надежды,
Что слава? шепот ли чтеца?
Гоненье ль низкого невежды?
Иль восхищение глупца?

Книгопродавец

Лорд Байрон был того же мненья;
Жуковский то же говорил,
Но свет узнал и раскупил
Их сладкозвучные творенья.
И впрямь завиден ваш удел:
Поэт казнит, поэт венчает;
Злодеев громом вечных стрел
В потомстве дальном поражает;
Героев утешает он;
С Коринной на киферский трон
Свою любовницу возносит.
Хвала для вас докучный звон;

Но сердце женщин славы просит;
Для них пишите; их ушам
Приятна лесть Анакреона:
В молодые лета розы нам
Дороже лавров Геликона.

Поэт

Самолюбивые мечты,
Утехи юности безумной!
И я средь бури жизни шумной
Искал вниманья красоты.
Глаза прелестные читали
Меня с улыбкою любви;
Уста волшебные шептали
Мне звуки сладкие мои...
Но полно! в жертву им свободы
Мечтатель уж не принесет;
Пускай их юноша поет,
Любезный баловень природы.
Что мне до них? Теперь в глуши
Безмолвно жизнь моя несется;
Стон лиры верной не коснется
Их легкой, ветреной души;
Нечисто в них воображение:
Не понимает нас оно,
И, признак Бога, вдохновенье
Для них и чуждо, и смешно.
Когда на память мне невольно
Придет внушенный ими стих,

Я так и вспыхну, сердцу больно:
Мне стыдно идиологов моих.
К чему, несчастный, я стремился?
Пред кем унижил гордый ум?
Кого восторгом чистых дум
Боготворить не устыдился?..

Книгопродавец
Люблю ваш гнев. Таков поэт!
Причины ваших огорчений
Мне знать нельзя; но исключений
Для милых дам ужели нет?
Ужели ни одна не стоит
Ни вдохновенья, ни страстей
И ваших песен не присвоит
Всесильной красоте своей?
Молчите вы?

Поэт
Зачем поэту
Тревожить сердца тяжкий сон?
Бесплодно память мучит он.
И что ж? Какое дело свету?
Я всем чужой!.. душа моя
Хранит ли образ незабвенный?
Любви блаженство знал ли я?
Тоскою ль долгой изнуренный,
Таил я слезы в тишине?
Где та была, которой очи,

Как небо, улыбались мне?
Вся жизнь, одна ли, две ли ночи?

.....

И что ж? Докучный стон любви,
Слова покажутся мои
Безумца диким лепетаньем.
Там сердце их поймет одно,
И то с печальным содроганьем:
Судьбою так уж решено.
Ах, мысль о той душе завялой
Могла бы юность оживить
И сны поэзии бывалой
Толпою снова возмутить!..
Она одна бы разумела
Стихи неясные мои;
Одна бы в сердце пламенела
Лампадой чистою любви!
Увы, напрасные желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моей:
Земных восторгов излиянья,
Как божеству, не нужно ей!..

Книгопродавец
Итак, любовью утомленный,
Наскуча лепетом молвы,
Заране отказались вы
От вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свет,

И муз, и ветреную моду,
Что ж изберете вы?

Поэт
Свободу.

Книгопродавец
Прекрасно. Вот же вам совет;
Внемлите истине полезной:
Наш век – торгаш; в сей век железный
Без денег и свободы нет.
Что слава? – Яркая заплата
На ветхом рубище певца.
Нам нужно злата, злата, злата:
Копите злато до конца!
Предвижу ваше возражение;
Но вас я знаю, господа:
Вам ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Кипит, бурлит воображение;
Оно застынет, и тогда
Постыло вам и сочиненье.
Позвольте просто вам сказать:
Не продается вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что ж медлить? Уж ко мне заходят
Нетерпеливые чтецы;
Вкруг лавки журналисты бродят,
За ними тощие певцы:

Кто просит пищи для сатиры,
Кто для души, кто для пера;
И признаюсь – от вашей лиры
Предвижу много я добра.

Поэт

Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись.
Условимся.

К морю

Прощай, свободная стихия!
В последний раз передо мной
Ты катишь волны голубые
И блещешь гордою красой.

Как друга ропот заунывный,
Как зов его в прощальный час,
Твой грустный шум, твой шум призывный
Услышал я в последний раз.

Моей души предел желанный!
Как часто по берегам твоим
Бродил я тихий и туманный,
Заветным умыслом томим!

Как я любил твои отзывы,

Глухие звуки, бездны глас,
И тишину в вечерний час,
И своенравные порывы!

Смиренный парус рыбарей,
Твоею прихотью хранимый,
Скользит отважно средь зыбей,
Но ты выиграл, неодолимый,
И стая тонет кораблей.

Не удалось навек оставить
Мне скучный, неподвижный брег,
Тебя восторгами поздравить
И по хребтам твоим направить
Мой поэтический побег!

Ты ждал, ты звал... я был окован;
Вотще рвалась душа моя:
Могучей страстью очарован,
У берегов остался я...

О чем жалеть? Куда бы ныне
Я путь беспечный устремил?
Один предмет в твоей пустыне
Мою бы душу поразил.

Одна скала, гробница славы...
Там погружались в хладный сон
Воспоминанья величавы:

Там угасал Наполеон.

Там он почил среди мучений.
И вслед за ним, как бури шум,
Другой от нас умчался гений,
Другой властитель наших дум.

Исчез, оплаканный свободой,
Оставя миру свой венец.
Шуми, взволнуйся непогодой:
Он был, о море, твой певец.

Твой образ был на нем означен,
Он духом создан был твоим:
Как ты, могущ, глубок и мрачен,
Как ты, ничем не укротим.

Мир опустел... Теперь куда же
Меня б ты вынес, океан?
Судьба людей повсюду та же:
Где благо, там уже на страже
Иль просвещение, иль тиран.

Прощай же, море! Не забуду
Твоей торжественной красы
И долго, долго слышать буду
Твой гул в вечерние часы.

В леса, в пустыни молчаливы

Перенесу, тобою полн,
Твои скалы, твои заливы,
И блеск, и тень, и говор волн.

«Ночной зефир...»

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Вот вошла луна золотая,
Тише... чу... гитары звон...
Вот испанка молодая
Оперлася на балкон.

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

Скинь мантилью, ангел милый,
И явись, как яркий день!
Сквозь чугунные перилы
Ножку дивную продень!

Ночной зефир
Струит эфир.
Шумит,
Бежит
Гвадалквивир.

1825

П. А. Осиповой

Быть может, уж недолго мне
В изгнании мирном оставаться,
Вздыхать о милой старине,
И сельской музе в тишине
Душой беспечной предаваться.

Но и в дали, в краю чужом
Я буду мыслию всегдашней
Бродить Тригорского кругом,
В лугах, у речки, над холмом,
В саду под сенью лип домашней.

Когда померкнет ясный день,
Одна из глубины могильной
Так иногда в родную сень
Летит тоскующая тень
На милых бросить взор умильный.

«Храни меня, мой талисман...»

Храни меня, мой талисман,
Храни меня во дни гоненья,
Во дни раскаянья, волненья:
Ты в день печали был мне дан.

Когда подымет океан
Вокруг меня валы ревучи,
Когда грозою грянут тучи –
Храни меня, мой талисман.

В уединении чуждых стран,
На лоне скучного покоя,
В тревоге пламенного боя
Храни меня, мой талисман.

Священный сладостный обман,
Души волшебное светило...
Оно сокрылось, изменило...
Храни меня, мой талисман.

Пусть же ввек сердечных ран
Не растравит воспоминанье.
Прощай, надежда, спи, желанье,
Храни меня, мой талисман.

К А.П. Керн

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои,
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье.
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

«Если жизнь тебя обманет...»

Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.
Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Вакхическая песня

Что смолкнул веселия глас?
Раздайтесь, вакхальны припевы!
Да здравствуют нежные девы
И юные жены, любившие нас!
Полнее стакан наливайте!
На звонкое дно
В густое вино

Заветные кольца бросайте!
Подыдем стаканы, содвинем их разом!
Да здравствуют музы, да здравствует разум!
Ты, солнце святое, гори!
Как эта лампада бледнеет
Пред ясным восходом зари,
Так ложная мудрость мерцает и тлеет
Пред солнцем бессмертным ума.
Да здравствует солнце, да скроется тьма!

19 октября

Роняет лес багряный свой убор,
Сребрит мороз увянувшее поле,
Проглянет день как будто поневоле
И скроется за край окружающих гор.
Пылай, камин, в моей пустынной келье;
А ты, вино, осенней стужи друг,
Пролей мне в грудь отрадное похмелье,
Минутное забвенье горьких мук.

Печален я: со мною друга нет,
С кем долгую запил бы я разлуку,
Кому бы мог пожать от сердца руку
И пожелать веселых много лет.
Я пью один; вотще воображенье
Вокруг меня товарищей зовет;

Знакомое не слышно приближенье,
И милого душа моя не ждет.

Я пью один, и на берегах Невы
Меня друзья сегодня именуют...
Но многие ль и там из вас пируют?
Еще кого не досчитались вы?
Кто изменил пленительной привычке?
Кого от вас увлек холодный свет?
Чей глас умолк на братской переключке?
Кто не пришел? Кого меж вами нет?

Он не пришел, кудрявый наш певец,
С огнем в очах, с гитарой сладкогласной:
Под миртами Италии прекрасной
Он тихо спит, и дружеский резец
Не начертал над русскою могилой
Слов несколько на языке родном,
Чтоб некогда нашел привет унылый
Сын севера, бродя в краю чужом.

Сидишь ли ты в кругу своих друзей,
Чужих небес любовник беспокойный?
Иль снова ты проходишь тропик знойный
И вечный лед полунощных морей?
Счастливый путь!.. С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, волн и бурь любимое дитя!

Ты сохранил в блуждающей судьбе
Прекрасных лет первоначальны нравы:
Лицейский шум, лицейские забавы
Средь бурных волн мечталися тебе;
Ты простирал из-за моря нам руку,
Ты нас одних в молодой душе носил
И повторял: «На долгую разлуку
Нас тайный рок, быть может, осудил!»

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен –
Неколебим, свободен и беспечен,
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

Из края в край преследуем грозой,
Запутанный в сетях судьбы суровой,
Я с трепетом на лоно дружбы новой,
Устав, приник ласкающей главой...
С мольбой моей печальной и мятежной,
С доверчивой надеждой первых лет,
Друзьям иным душой предался нежной;
Но горек был небратский их привет.

И ныне здесь, в забытой сей глуши,

В обители пустынных выюг и хлада,
Мне сладкая готовилась отрада:
Троих из нас, друзей моей души,
Здесь обнял я. Поэта дом опальный,
О Пушкин мой, ты первый посетил;
Ты усладил изгнания день печальный,
Ты в день его лица превратил.

Ты, Горчаков, счастливцев с первых дней,
Хвала тебе! – фортуны блеск холодный
Не изменил души твоей свободной:
Всё тот же ты для чести и друзей.
Нам разный путь судьбой назначен строгой;
Ступая в жизнь, мы быстро разошлись:
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встретились и братски обнялись.

Когда постиг меня судьбины гнев,
Для всех чужой, как сирота бездомный,
Под бурею главой поник я томной
И ждал тебя, вещун пермесских дев,
И ты пришел, сын лени вдохновенный,
О Дельвиг мой: твой голос пробудил
Сердечный жар, так долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословил.

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,

И сладок был их лаской наш удел:
Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар, как жизнь, я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши.

Служенье муз не терпит суеты;
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность нам советует лукаво,
И шумные нас радуют мечты...
Опомнимся, – но поздно! и уныло
Глядим назад, следов не видя там.
Скажи, Вильгельм, не то ль и с нами было,
Мой брат родной по музе, по судьбам?

Пора, пора! душевных наших мук
Не стоит мир; оставим заблужденья!
Сокроем жизнь под сень уединенья!
Я жду тебя, мой запоздалый друг, –
Приди; огнем волшебного рассказа
Сердечные преданья оживи;
Поговорим о бурных днях Кавказа,
О Шиллере, о славе, о любви.

Пора и мне... пируйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье;
Запомните ж поэта предсказанье:
Промчится год, и с вами снова я,
Исполнится завет моих мечтаний;

Промчится год, и я явлюся к вам!
О, сколько слез и сколько восклицаний,
И сколько чаш, подъятых к небесам!

И первую полней, друзья, полней!
И всю до дна в честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствует лицей!
Наставникам, хранившим юность нашу,
Всем честию, и мертвым и живым,
К устам подъяв признательную чашу,
Не помня зла, за благо воздадим.

Полней, полней! и, сердцем возгоря,
Опять до дна, до капли выпивайте!
Но за кого? о други, угадайте...
Ура, наш царь! так! выпьем за царя.
Он человек! им властвует мгновенье.
Он раб молвы, сомнений и страстей;
Простим ему неправоe гоненье:
Он взял Париж, он основал лицей.

Пируйте же, пока еще мы тут!
Увы, наш круг час от часу редее;
Кто в гробе спит, кто дальний сиротеет;
Судьба глядит, мы вянем; дни бегут;
Невидимо склоняясь и хладея,
Мы близимся к началу своему...
Кому ж из нас под старость день лицей

Торжествовать придется одному?

Несчастный друг! средь новых поколений
Доучный гость и лишний, и чужой,
Он вспомнит нас и дни соединений,
Закрыв глаза дрожащею рукой...
Пусть же он с отрадой хоть печальной
Тогда сей день за чашей проведет,
Как ныне я, затворник ваш опальный,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.